совершенно секретно
(гриф секретности)

Виталий Бегеза

ДЕЛО
оперативной разработки

№ 777

условное наименование: "Гелик"

ЧАСТИ I И II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВКЛЮЧЕНО

Инв. № _____

Срок хранения 16
(по перечню п. № 10 лет 67)

Части № 1-2

Начат „15" мая 2015 г.

Окончен „17" июля 2026 г.

На 178 листах

Дело в 2 томах

Виталий Бегеза

Дело оперативной разработки 777 (1 и 2 часть). Полная версия

https://litres.ru/74191682
SelfPub; 2026

Аннотация

Остросюжетный роман «Дело оперативной разработки 777» — история многолетнего противостояния сотрудника Московского уголовного розыска и изворотливого преступника, превратившего хищение элитных автомобилей в отлаженный криминальный бизнес.

В первой части — «Погоня» — оперативник сталкивается не только с профессиональными угонщиками и их сообщниками, но и с коррупцией, предательством и сопротивлением внутри правоохранительной системы. «Я убегаю, ты догоняешь», — говорит преступник, превращая их противостояние в опасную игру.

Во второй части — «Искупление» — дело, которое казалось завершённым, неожиданно получает продолжение. Прошлое возвращается, заставляя героев пройти через расследование, суд и войну и ответить на главный вопрос: способен ли человек измениться и искупить совершённое?

Профессиональные и бытовые детали создают достоверную атмосферу оперативной работы. Все персонажи и события являются художественным вымыслом, любые совпадения случайны.

Содержание

От автора 5
Оглавление 9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ "ПОГОНЯ" 12
Глава 1. Был бы покупатель 12
Глава 2. МУР. Первый день 19
Глава 3. Школа жизни 28
Глава 4. Ингуши 34
Глава 5. Первая любовь, первое дело 41
Глава 6. Дежурный 46
Глава 7. Собака 52
Глава 8. Абхазы и гаишник 56
Глава 9. Машины для бандитов 64
Глава 10. Мотоциклист 70
Глава 11. Киевские гастроли 75
Глава 12. Активист домоуправления 80
Глава 13. Согласно схеме 88
Глава 14. Связи и сообщники 94
Глава 15. Погоня 99
Глава 16. Возвращаясь в 2014 год 103
Конец ознакомительного фрагмента. 107

Дело оперативной разработки 777 (1 и 2 часть). Полная версия

От автора

Эта книга основана на реальных событиях моей службы. Но я снова прошу читателя помнить: всё, что здесь написано, — художественное произведение. Имена изменены, лица собирательны, многое домыслено и переставлено так, как того требует не протокол, а история. Реальных людей, тем более ныне живущих и облечённых должностями, я не выводил и не имел в виду. А вот чувства, сомнения, выбор — всё это подлинное.

Первая часть этой книги — о погоне: я пятнадцать лет ловил людей и привык считать, что моя работа кончается приговором. Вторая часть — совсем о другом. Меня давно занимает вопрос, который к делу не пришьёшь: приговор — это конец человека или только конец дела о нём? Может ли догнанный измениться? Я не знаю на него общего ответа и не уверен, что он вообще существует. Но мне захотелось написать историю, где этот вопрос задан по-настоящему, без скидок и без готового ответа в конце.

Я не идеализирую своего героя-антагониста. Он вор, и за ним — настоящие, не книжные чужие беды. Я не зову прощать таких людей и не предлагаю умиляться им. Я предлагаю другое: не списывать человека окончательно, пока он жив. Потому что та сила, которая способна сделать из вора человека, мне кажется более высокой справедливостью, чем та, что просто сажает вора за решётку. Меч карает. Но воздаёт — только надежда.

Эта мысль увела меня далеко за пределы одного дела и, в общем, за пределы прежней профессии. Я давно снял погоны — сознательно, чтобы служить тому же, но иначе. Сегодня я занимаюсь наукой, судебной экспертизой, преподаю, веду общественную работу. И всё чаще думаю не об отдельном преступнике, а о том, что стоит за каждым таким делом: о качестве следствия, о качестве экспертизы, о качестве суда. О том, как сделать, чтобы правда в наших делах не гибла от усталости и равнодушия. О том, что закон работает лишь там, где общество понимает свои права и дорожит ими. Правовое просвещение, правовая культура, доверие к правосудию — слова казённые, но за ними стоит очень простое: чтобы у обворованного старика был шанс на справедливость, а у оступившегося — шанс вернуться. Я верю, что поднимать это — дело не только государства, но и каждого, кто способен. И если мои книги, лекции и работа кого-то к этому подтолкнут — значит, я не зря сменил погоны на кафедру.

Но книга всё-таки не об этом. Книга — о людях. Поэтому

позвольте немного личного.

Прежде всего благодарю моего друга, заслуженного артиста России Андрея Мерзликина, — он вдохновил меня на создание этой книги, поддерживал на протяжении всего пути и не переставал верить в меня.

Спасибо моей жене, Юлии Бегезе. В книге она названа Юлей, и она в ней — то же, что и в жизни: тихая опора, которая в нужную минуту говорит ровно то, что надо, и ни словом больше. Половину того, что я понял про эту историю, я понял её словами. Без неё не было бы ни этих книг, ни меня нынешнего.

Спасибо моим детям — за то, что они есть, и за то, что простили отцу годы, когда его вечно не было дома. Они хотели, чтобы я упомянул их в книге. Упоминаю — с гордостью и любовью.

С глубокой признательностью благодарю моих родителей, Людмилу Викторовну и Василия Дмитриевича Бегезу, — за воспитание, поддержку и за то, кем я стал. У них я научился главному: что «на всякий случай» говорят, когда случай уже был, и что черту, которую держишь, держат не для похвалы, а потому что иначе нельзя.

Спасибо тем, кого в книге я назвал теми, кто держит строй, — настоящим следователям, экспертам, операм, судьям, врачам, которых я встречал за свою жизнь. Тем, кто за гроши, без наград и без интервью держит на себе кусок порядка в огромной стране. Это о вас, и это вам.

Спасибо молодым ребятам, что сейчас там, где нам, старшему поколению, не дай бог понять до конца, каково приходится. Тем, кто на войне снова и снова доказывает, что человек человеку — не волк.

Отдельно благодарю редактора Дмитрия Григорьева — за профессионализм, внимательное отношение к тексту и терпение в совместной работе. Благодарю корректора Людмилу Александровну Журилову — за тщательную и кропотливую работу над текстом книги. И, конечно, благодарю всех, кто принимал участие в реализации этого проекта. Без вашей помощи, поддержки и веры эта книга не состоялась бы.

Если, прочитав эту книгу, хоть один человек однажды в нужную минуту вспомнит и скажет — себе, ребёнку, кому угодно — простые слова «положи на место, не твоё», и скажет их по-настоящему, — значит, всё было не зря.

В. Бегеза

Оглавление

От автора
Часть первая. Погоня
Глава 1. Был бы покупатель
Глава 2. МУР. Первый день
Глава 3. Школа жизни
Глава 4. Ингуши
Глава 5. Первая любовь, первое дело
Глава 6. Дежурный
Глава 7. Собака
Глава 8. Абхазы и гаишник
Глава 9. Машины для бандитов
Глава 10. Мотоциклист
Глава 11. Киевские гастроли
Глава 12. Активист домоуправления
Глава 13. Согласно схеме
Глава 14. Связи и сообщники
Глава 15. Погоня
Глава 16. Возвращаясь в 2014 год
Глава 17. Подозрительный гараж
Глава 18. Гравёр
Глава 19. Странный таксист
Глава 20. На ремни порежу
Глава 21. Ошибки дорого стоят

Глава 22. Ещё один начальник
Глава 23. Счастливый арест
Глава 24. Неожиданная встреча
Глава 25. Лестница в помощь
Глава 26. На хвосте
Глава 27. Литовские номера
Глава 28. Маячки
Глава 29. Ещё одна встреча
Глава 30. ДТП
Глава 31. Операция «Макдоналдс»
Глава 32. Обыски
Глава 33. Всё-таки — тюрьма
Глава 34. Трансформеры
Эпилог первой части
Часть вторая. Искупление
Глава 1. Книга, которая вернула дело
Глава 2. Тень на пороге
Глава 3. Мальчик и «мерседес»
Глава 4. Чёрная коробочка
Глава 5. Больной здоровый
Глава 6. Король без королевства
Глава 7. Суд
Глава 8. Выбор
Глава 9. Фронт. Перемена
Глава 10. Те, кто ещё держит строй
Глава 11. Догнал

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ "ПОГОНЯ"

Глава 1. Был бы покупатель

весна 2015 года

С самого утра Игорь Петрович чувствовал себя превосходно. Жизнь удалась во всех отношениях, и сегодня это подтвердилось дважды.

Во-первых, ему стало известно, что после перестановок в комитете он поднимается ещё на ступень — на генеральскую должность. А там и до самого звания рукой подать. Во-вторых, он наконец закрыл одно давнее, хлопотное дело: бумаги, мешавшие жить весьма влиятельным людям, были изъяты и уничтожены, а наградой за расторопность стал портфель с наличными. Восемнадцать миллионов. И полковник юстиции уже знал, куда их потратить.

Неделю назад он присмотрел машину, вчера внёс задаток, а сегодня «мерседес» G63 ждал его в салоне. Игорь Петрович летел к нему на служебной — и одна беда мешала счастью: пробки.

— Ванюша, включи-ка музыку, — попросил он водителя. — А то опоздаем.

Обычно он так не делал. Обычно Ваня смирно полз в потоке, а Игорь Петрович возился на заднем сиденье с бума-

гами или планшетом. Но сегодня был особый случай. Водитель включил сирену и маячок, и они пошли по встречной, распихивая поток, — и в автосалон приехали даже раньше срока, назначенного менеджером. Игорь Петрович достал из багажника тяжёлую сумку и отпустил машину.

Каким бы взрослым и серьёзным ни стал мужчина, в глубине он остаётся мальчишкой. Детство кончилось давно, но сейчас Игорь Петрович чувствовал себя ребёнком, которому несут новый велосипед. «Гелик» звучало почти как «велик». «Серьёзная машина для серьёзных людей», — крутилось в голове, переиначенное из той, девяностых годов, присказки про реальные тачки и реальных пацанов. Когда-то у него уже была похожая — «чероки», подарок благодарных бандитов. Бандиты остались в прошлом; кое-кто из выживших выбился в люди, и с этими людьми Игорь Петрович по сей день поддерживал отношения.

Он вполне соответствовал имиджу. Крепкий, основательный, он одинаково солидно смотрелся и в тёмно-сером «Канали» с рубашкой от Тома Форда и ботинками «Алден», и в охотничьем камуфляже, и в джинсах с кожаной курткой, и в домашнем. Начальник, глава семьи, охотник, добытчик. Классические формы «гелендвагена» были скроены как раз по нему.

Менеджер — говорливый, улыбчивый, гибкий, как угорь, — встретил его и принялся обволакивать словами: сейчас всё оформим, здесь подпись, и здесь, у вас наличными —

прекрасно, наличными нам только лучше, в кассу, а потом страховочку. Через полчаса они уже сидели в новой машине, и менеджер завёл подробную песню про назначение каждой кнопки.

— Я всё знаю, — осадил его Игорь Петрович. — У меня не так много времени.

— Но я должен… — засуетился тот. — Да-да, раз знаете, не буду надоедать. Счастливого пути!

Игорь Петрович торопился. Он не слышал фанфар, которые салон прогремел в честь очередного покупателя, и не заметил человека в футболке и лёгком костюме, что неспешно прогуливался между машинами в шоуруме, — и вышел, как только новый «гелендваген» выкатился на улицу.

По дороге на Рублёвку пришлось постоять на кольце. Игорь Петрович подключил телефон, набрал жену — длинные гудки. Он прислушивался к ровному урчанию дизеля и уже строил планы. Несколько миллионов из сумки он приберегал для дочери, жившей отдельно. А Ленку с Петрушей надо чем-то порадовать. «Бабе цветы, ребёнку мороженое», — всплыла фраза из старой комедии. Петька-младший любит технику — значит, что-нибудь радиоуправляемое; Ленке — духи или украшение. И вместо того чтобы свернуть к даче, он поехал к сверкающему стеклом Кунцево-плаза. Загнал машину на паркинг, поставил поближе к лифту, бросил парковочный талон на полочку у рычага и помчался наверх: сперва за подарком сыну, потом, уже с коробкой под мыш-

кой, — за духами. Вкусы жены за двадцать лет не изменились — мадемуазель Шанель была в чести и тогда, когда он познакомился с Ленкой, и теперь, когда она давно уже не мадемуазель, а солидная мадам, жена серьёзного человека.

Окрылённый, а не отягощённый покупками, он спустился на парковку. И тут позвонила Лена.

— Ты где?

— Заехал в «Плазу». Петьке подарок взял. И не только, — радостно доложил он.

— Что купил?

— Сюрприз. Приедешь — увидишь.

— Ты же знаешь, как я отношусь к сюрпризам…

— На этот раз… — и он осёкся.

Судьба и впрямь приготовила сюрприз. Машины на месте не было.

Игорь Петрович, не договорив, нажал отбой. «Туда ли вышел?» На месте его несравненного чёрного «гелендвагена» стоял серебристый «гольф» с помятой дверцей. «Перепутал этаж… Нет, не может быть, паркинг один». Он обошёл этаж кругом. Не может быть. Он был так уверен, что к его машине ни один жулик и близко не сунется.

— Это что же такое… Совсем оборзели… Оборзели…

Кровь бросилась в лицо, оно запылало. Он, как вытащенная на берег рыба, хватал ртом воздух. Украли не только машину. Украли сумку с деньгами. И портфель с теми самыми бумагами. Сдерживая крик, он принялся тыкать в экран —

и не попадал, палец не слушался. Наконец дозвонился.

Через несколько минут о его беде знали и в руководстве ГИБДД, и в угонном отделе на Петровке, 38. Через десять минут поток уже просматривали, опергруппа летела на место. Без толку. Машина словно сквозь землю провалилась.

Игорь Петрович не догадывался, что потерял её ещё несколько месяцев назад — задолго до своих беззвучных воплей на парковке.

* * *

За эти месяцы, в кафе при центре «Мерседес-Бенц», встретились двое спокойных, деловых людей. Один — в кепке со значком «мерседеса» и дорогом, но неприметном костюме. Другой — в фирменной форме сервисной службы.

Они знали друг друга давно. Олег Кузнецов пригонял сюда и «гелендвагены» дочери, и «спринтер» друзей, которым уже пару лет пользовался сам, — прежний «спринтер», изрешечённый пулями, пришлось продать. С руководителем сервиса и механиками Олег был накоротке. Сейчас на обслуживании стоял белый, навороченный «гелик» Алёны, его дочери, с тремя семёрками в номере. Те же три семёрки были и у «бентли» жены, Олеси. И жена, и дочь считали эту цифру счастливой — а чего не сделаешь для родных.

Правда, не все родные вызывали у Олега тёплые чувства. Мужа Алёны он не любил: в прошлом судимый за разбой, а ныне — мелкий, скучный, предсказуемый делец теневого автобизнеса. «И что она в нём нашла?» — думал Олег,

и от направления, в котором мысль шла дальше, ему делалось неприятно, и эта неприязнь оседала на зяте. Никаких дел с Арсеном он не вёл. Вот был бы Аленкин муж как Илья, школьный друг, спец экстра-класса, знавший про «мерседесы» всё, — или хоть как Сашка, молодой механик, что тянул заочку, амбициозный и обязательный. С тем тоже можно было работать. Работать — но не доверять. Доверял Олег немногим.

— Я тебе как-то дельце предлагал, помнишь, — сказал он Илье. — Поможешь?

— Ключик прописать?

— Ну да. Тут казах серьёзный нарисовался, хочет «гелик».

— Подумать можно.

— Чёрный, дизель, два и девять.

— Не вопрос. Такой у нас как раз стоит. А по салону что?

— Казаху вроде всё равно. Долго ждать, как думаешь?

— Неделю. Две.

— Подождёт. Сделаешь ключик и вот… — Олег пододвинул по столу чёрную коробочку. — Пристрой куда-нибудь. И не думай ни о чём — тебе с этого ничего, кроме денег.

— Не вопрос.

Дальше всё пошло как по нотам. За время предпродажной подготовки к двум заводским ключам прибавился тайный третий. Память машины рассчитана на несколько ключей — на случай, если хозяин потеряет свои: старые ячей-

ки блокируют, в свободные прописывают новые. Этим и воспользовались. За час до приезда Игоря Петровича Олег держал в руке свой ключ. Потом проводил новенький «гелендваген» до торгового центра, где тот навсегда расстался с хозяином. Вскоре он расстался и с самим Олегом: машину приняли двое людей восточного вида, сменили номера и погнали её по области, в свой гараж.

Работа вышла не вполне в его фирменном стиле — слишком уж лёгкая, сама шла в руки. Но и во всяком другом деле, как в торговле, главное лицо — покупатель. Появился надёжный покупатель — товар на него найдётся.

Был бы покупатель.

Глава 2. МУР. Первый день

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

весна 2015 года

У моей службы в Московском уголовном розыске на Петровке, 38, есть своя предыстория. Начало её — в детстве, в книжных, романтических представлениях о сыске. Середина — в долгой дороге, вехами которой стали война в Чечне, патрульно-постовая служба, заочная учёба в Волгоградской академии МВД и работа оперуполномоченным в Ворошиловском РУВД. К моменту, когда я перебрался в Москву, я уже был старшим оперуполномоченным на линии транспорта — угоны и кражи автомобилей. По ходу рассказа я ещё не раз вернусь к детству, к юности, к Чечне и к Волгограду: без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Это я понял рано и накрепко.

Перебраться в столицу я начал пробовать с 2013 года. В родном городе мне стало тесно — хотелось большего. Я исправно звонил в кадры МУРа (их там несколько), слал резюме, а меня так же исправно и вежливо отправляли восвояси. За тактичными словами легко читалось другое: куда ты, мальчик, лезешь, у нас и своих хватает. Юля, моя жена, тоже искала работу в Москве — кстати, история нашего знакомства вышла почти детективной, но об этом потом, — и

мы выбирались в столицу на день-другой. В каждый приезд я ходил на собеседования. В окружные отделы розыска меня брали с руками. На Петровку — нет.

А в России издавна заведено, что одно доброе слово нужного человека весит больше самого блестящего резюме. И вот однажды, сидя с Юлей в кафе, я вдруг вспомнил: служил же когда-то у нас в Ворошиловском розыске парень по имени Роман, а потом уехал в Москву и вроде бы осел в МУРе. Лично я его не знал. Но, набравшись наглости, нашёл в соцсетях, коротко написал о себе, попросил о встрече и оставил телефон. Он перезвонил через несколько часов. Назавтра я уже сидел у него в кабинете на Петровке — Роман руководил убойным отделом. Мы долго говорили о родном Волгограде, об общих знакомых, о том, что я знаю, умею и могу, а потом он отвёл меня в кадры и рекомендовал взять. Вакансий у него в отделе не было — зато были в четырнадцатом, том самом, что бьётся с криминальным автобизнесом. Моя тема. Но, как водится в нашей системе, перевод тянулся месяцами. За это время Юля успела меня обогнать: она уже работала финансовым директором в крупной строительной компании, а я всё ещё ждал, пока утрясут формальности и подпишут назначение.

Наконец пятнадцатого мая я официально вышел на службу — оперуполномоченным отдела по борьбе с криминальным автобизнесом. Для меня это был праздник, и подготовился я к нему по полной: лучший костюм, белая рубашка,

золотые запонки. По одёжке встречают — а я шёл в незнакомый отдел, к людям, которых в глаза не видел.

Меня никто не встретил.

Я оставил машину на платной парковке, поднялся на этаж. Внутри здание МУРа далеко не так величаво, как его классический фасад: длинные безликие коридоры, кабинеты с табличками, в каждом, если это не начальственный, по нескольку человек. В одном из них было и моё будущее место. Я заглянул в кабинеты отдела — пусто. Причина простая: многие работали в ночь, а на местах сидели лишь те несколько немолодых сотрудников, что заняты бумагами. Бумаг в полиции всегда вдоволь — записки, жалобы, ответы, отчёты, — и, к счастью, в МУРе всем этим, что прямо не связано с делами, занимаются отдельные люди. Они сидели здесь до меня, сидели при мне, сидят, думаю, и сейчас. Что-то в мире должно оставаться неизменным.

Не таким я представлял свой первый день. До меня никому не было дела. Наконец в коридоре я столкнулся с Петром Костровым, заместителем начальника отдела. Худощавый, невысокий, русоволосый, в сером костюме — ни за что не угадаешь подполковника полиции, скорее уж клерк из какой-нибудь конторы.

Опера в МУРе форму почти не носят — разве что на торжества; обычно она пылится в шкафу. У каждого в кабинете свой шкаф, и чего там только нет — костюм, джинсы с курткой, спортивное, на любой случай работы. Мы не долж-

ны бросаться в глаза, должны быть своими в любой среде. И машины у нас под стать — обычные «форды», «хёндаи», «солярисы», без надписей, с простыми номерами. Ничто не должно нас выдавать. Любая мелочь спугнёт — и провал.

Костров оглядел меня без всякого одобрения.

— Чего вырядился? Ты на Петровку работать пришёл…

Я что-то промямлил про первый день — мол, по одёжке встречают, хочу познакомиться, осмотреться, определиться с местом.

— С местом потом разберёмся, — оборвал он. — А сейчас поедешь со Стасом в Серпухов. Там ребята вторые сутки в засаде, сменить надо.

Я удивился, но возражать не стал. Позже я узнал и другую причину его холодности. Пока меня переводили, в отделе сменилось руководство: прежний начальник ушёл на повышение. Новым стал Андрей Вячеславович Жилин — человек хороший и честный, но поначалу не в теме: он пришёл из метрополитена и нашей специфики не знал. А вот его зам, Костров, в автоугонах разбирался отлично, спец был грамотный. Насколько честный — вопрос отдельный. Своих людей он, понятно, хотел видеть рядом, а тут является какой-то незнакомый опер из Волгограда.

Мы со Стасом — белобрысым парнем с холёным круглым лицом и в круглых очках — вышли из здания и направились к служебной стоянке. По дороге я предложил переставить мою машину:

— Заедем на платную, заберём мою. Неизвестно, сколько в этом Серпухове сидеть.

В переднем ряду стоял мой новенький X5, за ним — старая «тойота».

— Ну, где она? — спросил Стас.

— Вот.

— Эта? — Он кивнул на «тойоту».

— Да нет же.

— Ого. Ты, что ли, на «бэхе»? — В голосе зазвучало неподдельное изумление. — Да ещё на новой?

БМВ X5 — машина совсем не для старшего лейтенанта полиции. Что Стас тогда подумал, не знаю. А объяснение было простое: переехав, мы с Юлей продали в Волгограде кое-какую недвижимость и обе наши машины. Поняли, что на московскую квартиру всё равно не хватает, и решили взять одну надёжную и дорогую. Тем более что Юля уже хорошо зарабатывала и мы могли себе это позволить.

Переставили мой X5 на бесплатную стоянку и на служебной двинулись в Серпухов, прихватив по дороге ещё одного опера — тот отсыпался после ночи. В Серпухове я прежде не бывал, знал только, что он где-то в сотне километров к югу. Появись я там, на провинциальных задворках, в своём костюме с запонками — сразу бы привлёк внимание. Пришлось у торгового центра обзавестись «спецодеждой»: чёрный спортивный костюм и бейсболка.

К машине наших мы подъехали около полудня — ребя-

та уже извелись нас ждать. Сменили их, встали на пригорке. Отсюда хорошо просматривался угнанный белый «рейнджровер эвок», на который удалось поставить маячок. Сами держались поодаль, чтобы тот, кто придёт за машиной, нас не срисовал. А прийти он был должен: дорогие угнанные машины часто несколько дней «отстаивают» где-нибудь под городом — убедиться, что хвоста нет, — и только потом гонят в гараж, перебивать номера или на разбор.

Беда всякой засады в том, что рано или поздно глаз замыливается. В Волгограде, когда сторожить надо было всю ночь, мы дежурили посменно: один спит, другой смотрит. Случалось, напарники засыпали.

Я вспомнил Чечню, наши дежурства на «трёхминутке». Заступая в охранение, мы загоняли БТР в отрытый окоп, накрывали сеткой и сидели всю ночь, ждали врага. Сон мог стоить жизни — и не одной. Там тоже спали по очереди. И там попадались парни без головы. Помню, отдежурил я своё, разбудил наводчика — Колю Москвина, он спал прямо в машине, в спальнике: стояла осень, горы уже под снегом, к ночи холод сползал в долину и оседал инеем на кустах. Я забрался в нагретый им спальник и почти сразу провалился в сон. Спал чутко, и в какой-то момент, открыв глаза, увидел: наводчика в БТРе нет.

Покидать пост запрещалось. Выйти покурить — и то нельзя: высунулся, снайпер щёлкнул в голову, и нет тебя. Чаще всего наших и убивали, и крали — ради оружия. А тут нет ни

Москвина, ни автомата. Я по рации поднял старшего: так и так, пропал боец. Тот забил тревогу, да и я уже весь как струна, сна ни в одном глазу. Потом — отбой. Оказалось, Москвин замёрз и ушёл греться на отапливаемый КПП неподалёку. И ничего мне не сказал. А спустя пару дней, уже в чужое дежурство, на пост и вправду напали. Хорошо, те ребята не спали.

После такой двухгодичной школы во мне будто рефлекс вырос — в засаде не спать. Но и при том, что не дремал никто, «рейнджровер» мы едва не упустили. Несколько часов он стоял мёртво. Спустились сумерки. Стас достал термос, разлил чай по стаканчикам. Отвлеклись на минуту — и именно в эту минуту наша птичка, до того неподвижная, упорхнула. Вот же чёрт. Оставалась одна надежда — маячок. А он, как назло, не ловил сеть и упрямо показывал, что машина на месте. Что делать? Ведь её, скорее всего, гонят в мастерскую где-то рядом, а там угонщики наш маячок и найдут.

Наконец, уже в темноте, маяк ожил. Окраина города, у самого кладбища. Мы рванули туда. Высокий одноэтажный дом, высокий забор, во дворе гараж и какие-то машины. Кажется, заходи и бери. Да одно «но»: без постановления на обыск или арест мы и шагу не вправе ступить на частную территорию. Порядок такой: звоним в МУР, оттуда наш человек едет к следователю — туда, где возбуждено дело об угоне, — стоит у него над душой, ждёт постановление на неот-

ложный обыск и везёт его нам. Растянулось это на несколько часов. Всё это время мы стерегли дом — не выкатится ли из ворот «рейнджровер». Наконец опер приехал — и не один, а с подмогой и с постановлением.

В кино полицейские мило звонят в дверь — откройте, мы пришли вас арестовывать, — а пока суд да дело, преступники сигают в окно или уходят чёрным ходом. На деле всё иначе: мы ломимся разом и со всех сторон, чтобы ошеломить и не дать ни единой лазейки. Кто полез по крышам, кто в дверь, кто через забор. Во дворе, помню, сидел кавказец — здоровенная овчарка, к счастью, в вольере.

В гараже стоял наш «рейнджровер». Пахло краской и палёным наждаком. Там же мы взяли человека в рабочем — перебивщика: пока мы ждали постановление, он успел перебить номера. Ещё день — и машина ушла бы в неизвестность, вернее всего, в сторону Средней Азии, в бывшие республики: там такие до сих пор в большой цене. Хозяина дома не оказалось — только жена, которая, разумеется, «ничего не знала».

К утру подъехал Костров. Во дворе мы нашли и изъяли ещё несколько машин — второй «рейнджровер эвок», «ленд крузер», «ниссан». Все, как потом показала экспертиза, в угоне.

Так мой первый день на Петровке вышел куда длиннее положенных двадцати четырёх часов. Но мне было не привыкать. Воры работают без выходных и круглосуточно, а нам

мало их ловить — надо ещё и отчитываться: ночью выслеживаешь, днём докладываешь, пишешь рапорты, согласуешь с СОБРом, с ДПС, и так по кругу, спать некогда. Многие жёны не выдерживают такого графика и уходят. Мне в этом повезло. Это, пожалуй, единственное, в чём служба меня щадила.

Глава 3. Школа жизни

весна 1977 года

Олег очень рано понял, что люди слабы.

К каждому можно подобрать ключ, нащупать свой способ взлома — и человек станет управляемым. Каждый на чём-нибудь да прокалывается, а на проколе можно сыграть. Каждому чего-то хочется — а значит, можно сделаться добрым ангелом, исполняющим желания. Большинству тех, кто бывал ему нужен, хотелось денег. Деньги у Олега водились, и он, если требовалось, делился ими легко.

Люди слабы. И даже тот, кто клялся в дружбе и верности, при известных обстоятельствах предаст. Поэтому, если можно обойтись без лишнего человека, без него лучше обойтись. Это он усвоит позже, дорогой ценой. Но зерно этой мысли было в нём уже тогда, в детстве, — он просто ещё не знал ему названия.

Хватало слабостей и у самого Олега. При всей осторожности он был азартен — это первое. А второе, тщеславие, проявлялось у него на редкость причудливо: будучи формально нищим, без квартиры и без единой записанной на себя машины, он держал целый элитный автопарк. И, если не считать жениного «бентли», все эти машины носили гордую трёхлучевую звезду — от скромного «мерседеса» е-класса до «гелендвагенов», к которым у Олега была особая, почти

нежная любовь.

Как подростки-меломаны семидесятых делились на тех, кто за «Битлз», и тех, кто за «Роллинг Стоунз», так и владельцы дорогих машин делятся на приверженцев БМВ и приверженцев «мерседеса». Вечное соперничество двух марок давно переросло в странную дружбу — если это слово вообще применимо к заводам. И те и другие снимают задорные ролики о превосходстве над соперником, а на деле обе фирмы — почти равновеликие вершины немецкого автопрома. Когда-то говорили: БМВ — для водителя, «мерседес» — для пассажира. Нынче и те и другие одинаково послушны и удобны. Но Олег всегда выбирал «мерседес». И у этого выбора была своя история — давняя, как сам Олег.

Ему только-только сравнялось одиннадцать, когда, гуляя с мамой в центре Москвы, он увидел его. Голубой, с металлическим отливом «мерседес» стоял у тротуара, а рядом его хозяин разговаривал с какими-то модными девушками.

— Смотри, — шепнула мама, — Высоцкий!

— Не-а, — отозвался Олег. — «Мерседес».

Актёр его не занимал нисколько. Его занимала машина. Тем более что в технике, спасибо отцу, он смыслил совсем не по-детски.

Олег подошёл к открытой машине и принялся разглядывать приборную панель. Это были не «жигули» и даже не «Волга». На трёх круглых циферблатах толпились стрелки, и о назначении каждой он догадывался сам: маслёнка — дав-

ление масла, столбик термометра — температура двигателя, заправочная колонка — бензин; значки не требовали перевода. Но сильнее всего его поразила крайняя цифра на спидометре — двести шестьдесят. У новомодных «жигулей» шкала обрывалась на сотню раньше.

Хозяин заметил, с каким лицом мальчишка смотрит на панель, и отвлёкся от девушек.

— Нравится?

— Да. А вы разгонялись до двухсот шестидесяти?

— Ну, до двухсот шестидесяти нет. А вот двести сорок — спокойно.

— А сесть можно?

— Садись, смотри.

Высоцкий пустил его за руль. Олег взялся за обод, в центре которого, как в центре вселенной, серебрилась трёхлучевая звезда. Положил правую руку на рукоятку коробки. Глянул под ноги — и увидел всего две педали, до которых не доставал.

— А почему у вас две педали? — спросил он. — Должно же быть три: сцепление, тормоз, газ.

— Тут автомат. Сам переключает, сцепление выжимать не надо.

— Олег, идём, — позвала мама. — Извините, Владимир Семёнович, его от техники не оторвать.

— Ничего, — сказал актёр и по-взрослому, всерьёз пожал мальчишке руку. — Подрастёшь — может, и у тебя такой

будет.

До первого собственного «мерседеса» было ещё очень далеко. А вот до первого угона — рукой подать. Всего пара лет.

Тем вечером Олег, Колян и Сашка — друзья по двору и школе — слонялись по району. Стемнело; фонарь выхватывал из темноты деревья и припаркованные под ними машины.

— Гляньте, парни, эта тачка тут уже месяц торчит, — кивнул Колян на запылённую «копейку».

Сашка провёл пальцем по крыше.

— Вся в пыли.

Колян вывел на капоте слово из трёх букв.

— Может, хозяин уехал. Или заболел, — заметил Олег.

— Или помер, — добавил Колян. — А неслабо бы прокатиться. Кто-то тут хвастал, что любую тачку играючи откроет. — И посмотрел на Олега.

— Базара нет.

— А вдруг засекут… — почему-то шёпотом сказал Сашка. — Мало не покажется.

— Не ссы. Сейчас инструмент принесу.

Пока друзья дымили на лавочке, Олег сбегал через два двора домой — за фонариком, плоскогубцами, отвёрткой и чуть изогнутой пилкой по металлу. Этой пилкой он уже открывал отцовскую машину. Он завёл её в щель между стеклом и водительской дверью, повёл вверх-вниз, нащупал тягу замка и поднял кнопку с той стороны. Дверь подалась.

— Класс, — выдохнул Сашка.

— Ловкость рук и никакого мошенничества, — улыбнулся Олег.

Они забрались внутрь. Олег взялся отвёрткой за кожух под рулём. Колян полез в бардачок и стал выкладывать содержимое.

— О, лупа. Авторучка… О, плоскогубцы! Сашка, тебе ручка нужна?

— Колян, бл… будь человеком. Положи на место. Не твоё, — сказал Олег и бросил пластмассовый хлам обратно, на заднее сиденье.

Он сказал это резче, чем хотел, — и сам, наверное, не понял, откуда взялась эта резкость. Просто было что-то, чего он не делал и другим у себя на глазах не позволял: брать чужую мелочь. Машину он сейчас уведёт — а ручку трогать нельзя. В этой странной, кривой черте была вся его будущая жизнь: можно угнать автомобиль ценой в квартиру — и нельзя стащить из бардачка авторучку. Не «нельзя, потому что поймают». А просто — не твоё.

Замок зажигания, чтобы высвободить фиксаторы руля, пришлось раскурочить. Олег соединил провода — вспыхнула приборная панель.

— Да будет свет.

— Ну, поехали, — заявил Колян. — Дашь порулить?

— Не поедем, — ответил Олег; ему всё больше не нравилось, как держится приятель. — На, сам заводи и сам рули.

А я пошёл.

Он разъединил провода — панель погасла.

— Да ладно тебе, чего ты. Рули сам.

Олег снова свёл провода, нашёл провод реле стартера — и мотор схватился. Подвинул сиденье, поправил зеркала.

— Ну что, погнали?

— Куда?

— Вперёд.

Они выкатились на пустынный проспект, свернули в соседнюю улицу. Завидев вдали милицейскую мигалку, ушли во дворы. И вот тут Олега впервые накрыло тем, что потом будет гнать его всю жизнь, — приливом адреналина. Опасность пьянила. На какую-то шальную секунду ему даже захотелось, чтобы патруль их заметил и кинулся вдогон, — и в этой мгновенной мечте он легко, красиво уходил от погони. Покружив по улицам, они вернули «копейку» туда, откуда взяли.

Сашка протянул платок.

— Отпечатки сотрите. Вдруг найдут.

— Не, — сказал Олег. — Искать не станут. Машину вернули? Вернули. Поломки тут — на три рубля.

Он был прав. Не нашли и не искали. Но та черта — «не твоё», — которую он в тот вечер так уверенно провёл между собой и чужой авторучкой, ещё не раз сыграет в его судьбе. И в самом конце, спустя целую жизнь, вернётся к нему совсем с другой стороны.

Глава 4. Ингуши

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

лето 2015 года

Работа на Петровке оказалась совсем не той, к какой я привык в Волгограде. Огромный поток людей, огромный поток бумаг, огромный поток машин — и почти никакого контроля. В Волгограде кража премиальной машины была событием: всех поднимали на ноги, находили и автомобиль, и угонщика, у меня там была почти стопроцентная раскрываемость. Да и зачем красть в провинции, если можно сделать это в Москве, где тебя толком и искать не станут? Гастролёров в столице всегда тьма, и у каждого свой почерк.

Взять ржевских — с повадками конокрадов. Ржев вообще город удивительный: в его криминальной среде долго держалась атмосфера девяностых. И жулики, и опера там качались в спортзалах, вели здоровый образ жизни — оперативники сплошь богатыри. В родном Ржеве работать им было негде, и они ехали в столицу. Одни чистили поезда: на ходу запрыгивали в вагон, вскрывали его и на повороте, где состав сбрасывает скорость, выбрасывали груз на пути — а там уже ждали свои. Техника, дорогие вещи — что попадётся. Другие угоняли машины и вели себя не менее дерзко: вскрывали и тут же уходили на кольцевую, гнали к Новорижскому под двести,

никого не замечая. Догнать их было почти невозможно. Но они раз за разом наступали на одни грабли — сворачивали с МКАДа в одном и том же месте. Мы заранее, с вечера, ставили на этот съезд экипаж ДПС. Узнав, что ржевские взяли машину, предупреждали гаишника, и тот в нужный момент, ещё до того как угнанная машина уйдёт на съезд, перекрывал движение. Съезд забивался, угонщики вставали в пробке где-то посередине — и деваться им было некуда. Так мы и брали их: без погони, без риска для случайных людей. А через какое-то время на их место приходили новые, такие же отмороженные. У нас постоянно кто-нибудь мониторил по своим каналам: ржевские выехали, скажем, в час ночи — и он обзванивал всех, вытаскивал из тёплых постелей на охоту.

Белорусские гастролёры, с которыми мне тоже довелось столкнуться, чаще работали иначе — по объявлениям. Этот способ, впрочем, любили не они одни. Изменив внешность — парик, накладные усы или борода, — жулики приезжали к продавцу, осматривали машину. Дальше всё сводилось к одному: заставить хозяина вынести второй ключ.

— Хорошая машина, — говорил один.

— Да, пожалуй, возьмём, — отвечал второй.

— Погоди. А вдруг она не его… — И уже к продавцу: — Нам бы убедиться, что машина чистая. Сервисная книжка, второй ключ — сохранились?

Продавец приносил всё, что просили. Они заводили вторым ключом мотор, незаметно подменяли ключ похожей

болванкой и возвращали её хозяину. Тот продолжал ездить, не подозревая, что настоящий запасной ключ давно в чужом кармане. А через несколько дней жулики возвращались и спокойно уводили машину.

И когда после заявления потерпевшего мы поднимали видео, то часто видели одну и ту же незатейливую картину: стоит автомобиль, из темноты подходит человек, открывает дверь, заводит и уезжает. Берём у хозяина ключи на экспертизу — один родной, другой просто болванка. Спрашиваем: продать собирались, показывали кому-нибудь? «Да, — кивает, — приезжали ребята с неделю назад, смотрели, хотели купить».

Если перечислять все способы отъёма машин, книги не хватит. Приезжает человек на мойку — а там работают жулики. Хозяин сидит, пьёт кофе, один мойщик трёт кузов, а второй тем временем считывает данные машины и прописывает в её память лишний ключ. Заодно вешают маячок. Возвращают чистенький автомобиль, человек едет домой ни о чём не подозревая — а через пару дней его машину находят по маячку, заводят своим ключом и угоняют.

Но самая изощрённая афера, какая мне попалась, — это кража несуществующих машин. История чем-то напоминала гоголевские «Мёртвые души», только вместо крепостных были автомобили, а целью была не выгодная женитьба, как у Чичикова, а деньги одной известной страховой компании. В деле были завязаны люди из самых разных сфер — от та-

можни до страховщиков. Схема такая: одни где-то за границей добывали данные иностранного автомобиля — номера, марку, комплектацию — и передавали другим, своим людям в таможенной службе; те вносили данные в ПТС, создавая российские документы на машину, которая границы не пересекала. Третьи, в МРЭО, регистрировали её в базе и выдавали номера. Четвёртые, на серьёзных должностях в серьёзной страховой, эту машину страховали. А поскольку машины на деле не было, «угонялась» она легче лёгкого: мнимый владелец получал страховку и делился со всеми. А где-то в Германии добропорядочный бюргер — мне почему-то всегда представлялся именно он — преспокойно ездил на своём автомобиле, не ведая, что его уже «перевезли через границу», «зарегистрировали», «застраховали» и «угнали».

Была афера попроще — и вот тут, я подозревал, не обошлось без Кострова и ещё нескольких человек, которых через год после моего появления из МУРа убрали. Мошенники покупали настоящую машину, страховали, сами у себя угоняли и получали выплату. Потом на казахской таможне выписывали ей новые документы с новыми VIN, перебивали номера и регистрировали как купленную в Казахстане. Снова страховали — и снова «угоняли». Одна машина превращалась в другую по нескольку раз.

Опер на Петровке временем не нормирован, но если ты не после ночи — изволь к девяти на службу. Каждое утро в девять у начальника отдела начиналось совещание, на кото-

рое сходились все. Жилин к тому часу успевал побывать на совещании руководства МУРа.

На первом же таком совещании — наутро после моей засады и задержания перебивщика, едва меня представили отделу, — Костров взял меня в оборот. Заявил, что ему нужна ещё пара сотрудников для работы «по ингушам». Этой парой оказались мы с Евгением, моим будущим напарником: места наши были рядом, мы делили один кабинет и одни дела.

Нас подключили к слежке. Дело было простым до зевоты: на их «жигули»-четырнадцатую коллеги повесили аж два маячка. Следили в основном ночью — самое удобное для угона время начинается часа в три и тянется до шести: хозяева спят мёртвым сном, свидетелей на улицах почти нет, и есть фора, пока человек проснётся, обнаружит пропажу, доберётся до полиции. Полдня пройдёт, а за полдня из России уехать можно.

Вели ингуши себя странно. Заезжали в квартал, один оставался в машине, остальные ходили по дворам пешком, что-то высматривали — и ничего не угоняли. Потом катили в область, парковались где-нибудь на полянке и спали. Первая ночь, вторая, третья. На элитных автоворов они не тянули совсем — скорее на гастарбайтеров. Две недели они мотались по ночному городу, а мы за ними — и всё впустую. Мы узнали про них всё: где встречаются (обычно двое приезжали на метро, третий забирал на машине), где едят, чем заняты днём.

В перерывах между дежурствами я всё же забегал к себе посмотреть сводки. Угонов меньше не становилось — в среднем по Москве двадцать в день. Брали серьёзные машины: из Черёмушек «лексус», из Китай-города «мерседес» AMG, — но никто из нашего отдела ими не занимался, дела оставались «в округе» или вовсе «на земле». Мы, главк, работали только по резонансным или по тем, что сами считали интересными. Мне были интересны участившиеся за последний месяц угоны «мерседесов» G-класса — в них чувствовалась какая-то рука, какая-то система, — но всерьёз вникнуть я не успевал. Никто не успевал: полотдела пасло несчастных ингушей, плюс несколько экипажей ДПС, плюс наготове держали СОБР. Я не понимал, зачем на это брошено столько сил. Лишь однажды Жилин поднял всех на уши — угнали новенький «гелендваген» важного чиновника, едва тот его купил.

К концу третьей недели наши «гастарбайтеры» наконец дозрели. Их кража вышла похожей на дурной анекдот. Я вёл их по кольцевой на своей машине — и вдруг вижу: их ВАЗ потихоньку прижимается к отбойнику. Бух! — удар, машина теряет бампер и фару. Водитель, судя по всему, уснул за рулём. Я проехал мимо, встал в ближайшем кармане. Минут через десять они проползли мимо — без бампера, с аварийками. Так и доплелись до пятачка, где стоят автовозы на Кавказ. Сторговались с одним из водителей о чём-то, вызвали такси и уехали. Номер такси я тут же передал коллегам.

Потом я подрулил к водителю автовоза — нормальный мужик, дальнобойщик. Говорит: ребята попросили отвезти машину. «Куда?» — «До Владика. Там родственники заберут». Я записал телефоны, спросил, сколько он ещё простоит. Ту «четырнадцатую» позже пробили по VIN — само собой, в розыске.

Вскоре позвонил Костров: ингуши взяли во дворе ВАЗ-2112 и повезли в гаражи у Николо-Хованского кладбища. Тут уж и СОБР, и ДПС, и мы — упаковали по полной. Деталей я не знал, но мы приехали сразу туда, где они сдавали машину, — сработали на опережение. И вот эта точность, при всех прежних неувязках, меня и насторожила. Почему три недели мы пахали вхолостую, пропуская серьёзные кражи? Костров на идиота не похож. А раз не идиот — значит, ему это зачем-то нужно. Спустя время Кострова из отдела всё-таки убрали. И с его уходом число раскрытых нами серьёзных дел пошло вверх. Совпадение ли — пусть каждый решает сам.

Почувствовав себя свободнее, я в тот же день ещё раз перебрал последние сходные угоны «мерседесов» — и пошёл к Жилину.

— Андрей Вячеславович, я поднял сводки по G-классу. Похоже, в ряде случаев работает одна и та же группа.

Он выслушал мои доводы и подвёл черту:

— Давай, поработай. Думаю, справишься.

Глава 5. Первая любовь, первое дело

весна 1983 года

— Олежка, милый, ничего не получится, — Катя сидела на пассажирском сиденье и смотрела прямо перед собой.

Через неделю её отца переводили по службе в Калининград, и он требовал, чтобы дочь ехала с ним. Ей оставалось три месяца до конца десятого класса, три недели до совершеннолетия и неделя до отъезда.

— Я с ним поговорю, — твёрдо сказал Олег.

— Ты не знаешь папу. Он тебя убьёт.

— Тогда и говорить не будем. — Олег притянул её к себе. — Останешься со мной, и всё. Будем жить вместе.

— Здесь? В твоей машине?

И впрямь — всё его имущество составлял доставшийся от отца старый «москвич». Машина была роскошью, какой могли похвастать немногие студенты; но больше у Олега не было ничего. На золотую молодёжь он не тянул нисколько: жил с мамой в однокомнатной хрущёвке, перебивался случайными заработками — грузчиком в ночной булочной, сторожем на складе универсама. Есть, конечно, своя романтика в том, чтобы любить друг друга на заднем сиденье «москвича» в парке, с видом на вечернюю Москву. Но для совмест-

ной жизни этого мало.

— С твоей мамой я жить не смогу, — печально сказала Катя.

— Зачем вместе? Снимем комнату.

— На твою степуху?

Олег уверенно улыбнулся.

— Эту проблему я решу. Будем жить в отдельной квартире.

На ловца и зверь бежит. Дома мама сообщила, что ему опять звонил Коля. И уже следующим вечером, по наводке бывшего одноклассника Коляна, Олег встретился с дядей Мишей.

Прозвище «дядя» ему совсем не шло. Крепкий мужчина лет тридцати, аккуратно стриженный, гладко выбритый, в кожаной куртке и джинсах, он походил скорее на молодого комсомольского работника, чем на уголовника. И блатным жаргоном, которым так и сыпал Колян, дядя Миша почти не пользовался. Разговор снова шёл в машине — только не в стареньком «москвиче», а в «Ниве» дяди Миши. Машина мелко дрожала: двигатель троил на холостых.

— И свечи смотрели, и карбюратор чистили, — досадовал дядя Миша, — а всё трясёт. Специалисты…

— Это, скорее, трамблёр. Контакты, — сказал Олег. — Я бы вам посоветовал бесконтактное зажигание. Датчик Холла.

— А достать можешь?

— У друзей в гаражах. И машина веселее пойдёт.

— А вот говорят, гэбэшники какие-то прибамбасы ставят — «жигули» до ста восьмидесяти разгоняют. Такое можешь?

— Слышал только. Это «Ванкель», роторный, совсем другой мотор. Минусов — выше крыши: жрёт как танк, ресурс тысяч тридцать, и не достать в принципе, по спецзаказу делают.

— Ладно, давай твоего Холла. Поставишь?

— Конечно.

Дядя Миша помолчал.

— Я, вообще-то, о другом хотел. Есть работёнка. Деньги хорошие — за ночь полторы косых. Приглянешься — возьму на постоянку. — Он усмехнулся, а потом посерьёзнел. — Знакомый у меня есть, привередливый. Машину хочет. Причём «жигули». Причём пятёрку. Причём красную.

Олег молчал. Он уже понял, к чему всё идёт, но виду не подавал.

— Колька говорил, — продолжил дядя Миша, — ты за минуту любую тачку откроешь и заведёшь.

— Ну не за минуту, — поправил Олег. — За полчаса точно.

— Угнать не побоишься?

Олег улыбнулся.

— Вроде нет.

— Тогда лады. Прокатимся, познакомлю тебя с Рябиной. Вдвоём лисовать будете.

Тут дядя Миша впервые ввернул блатное словцо. Они заехали в бесконечные ряды черёмушкинских пятиэтажек, остановились у одной. К машине подошёл тощий высокий парень с узким безбровым лицом.

— Вот и Рябина.

Олег откинул сиденье, освобождая проход назад.

— Андрей, — представился парень, протягивая руку.

Вскоре выехали на пустырь с рядом крепких железобетонных гаражей.

— Поставите её сюда, — указал дядя Миша на один. — Рябина всё знает. Рябина, гляди за новичком.

У Рябины была своя «копейка». Весь вечер они утюжили на ней дворы и наметили три красные «пятёрки». Около трёх ночи взялись за первую.

Олег знал, с чем может столкнуться, и знал неплохо — а Рябина и того лучше. Время было хитрое на выдумки: иные хозяева мудрили с защитой — кто проводил клаксон, чтобы орал на всю улицу от любого толчка, кто ставил прибалтийские или самодельные сирены, кто прятал тайные выключатели, снимал на ночь клеммы с аккумулятора, навешивал на руль и педали блокираторы. Попадались и системы, что слали хозяину радиосигнал. На иных упаковках красовалось бодрое «заплатишь рубли — сохранишь тысячи». Доля правды в этом была. Но и угонщики не лыком шиты: всякую секретку рано или поздно обходят, а если возни много — машину можно и не заводить вовсе, а тихо оттащить в гараж и

там, не торопясь, разобраться со всеми хитростями.

Эти «жигули», впрочем, никакой защиты не имели. Олег не стал бить стекло — аккуратно поддел пилкой тягу замка, открыл дверь. С блокиратором на руле справился свёртышем, без отмычек. Так же легко разобрался с замком зажигания и освободил руль. Угон вышел скучным до зевоты. Олег завёл мотор и покатил следом за «копейкой» Рябины. Через час «пятёрка» стояла в гараже дяди Миши, а к вечеру в кармане у Олега лежала тысяча с лишним рублей.

Он впервые держал в руках такие деньги — и впервые так ясно почувствовал то, что потом поведёт его всю жизнь: за деньги решается почти любая задача. Тысяча рублей — невозможные для студента деньги, годы стипендий — легли в карман за одну скучную ночь. И мысль, мелькнувшая ещё в разговоре с Катей — «эту проблему я решу», — отвердела, стала правилом: все проблемы решаемы, были бы деньги. С этим правилом он и пойдёт дальше. Оно будет выручать его снова и снова, десятилетиями, почти без осечек — и тем вернее заслонит от него простую вещь, которую он поймёт лишь в самом конце пути: есть то, чего ни за какие деньги не купишь и не вернёшь. Но до этого конца было ещё очень далеко. А пока правило работало безотказно — и первое, что Олег на него купил, была общая с Катей жизнь.

Глава 6. Дежурный

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

лето 2016 года

Есть у службы в МУРе ещё одна особенность: каждому оперу время от времени выпадает дежурить в следственно-оперативной группе города. Сама дежурная часть — огромный зал, точь-в-точь центр управления полётами из фильма про космос: полсотни женщин в наушниках сидят за компьютерами и принимают вызовы. Это они отвечают всем, кто набирает «02».

Моя задача как опера от Главка состояла в том, чтобы из всего этого потока отобрать тяжкое и особо тяжкое и свести в сводку, которую рано утром надо положить на стол генералу. Весь день и всю ночь, каждые два часа я ходил из кабинета в дежурную часть, добирал детали, звонил в округа, при необходимости давал указания. Случалось и выезжать на место. Порядок такой: первой едет следственно-оперативная группа «земли» — участка; если дело серьёзное, подключается округ; а если стряслось что-то совсем уж важное — главк, Петровка, 38. Вот тогда и дежурный опер может выехать в составе группы.

За сутки в Москве происходят сотни преступлений, и в сводку должны попасть лишь самые важные — да так, чтобы

дежурный знал о них всё. Утренний доклад у генерала — настоящий экзамен. Не владеешь деталями — и можешь войти к нему старшим оперуполномоченным по особо важным делам, а выйти простым участковым где-нибудь в Северном Бутове.

— В какое окно злоумышленники влезли? Размеры окна? Не знаешь — минус. Какие следы оставили? Какую собаку брали на выезд? Кличку не записал — минус.

Меня выручал опыт работы на «земле», и экзамена я не проваливал. К тому же одно такое дежурство — правда, не московское, а волгоградское — круто переменило всю мою жизнь.

Я тогда ещё служил опером в Ворошиловском розыске. На дежурство в следственно-оперативную группу нас брали по двое, по графику. И вот один из тех, кому выпало, внезапно заболел. Начальник собрал нас: «Ну, товарищи, кто завтра вторым номером?» Молчат. Он на одного: «Сможешь?» Тот — у меня, мол, на завтра планы. У второго неотложные дела, у третьего, у четвёртого — все отнекиваются. Мне это нытьё надоело, и я сказал: «Давайте я схожу. У меня на завтра ничего серьёзного».

С утра пошёл поток: кому-то ночью изуродовали машину, из школьного кабинета вынесли компьютер, ППС задержала человека с наркотиками — и так без конца. В обед заглянула растерянная девушка: пропал новый телефон, то ли потеряла, то ли украли. И как раз в эту минуту мой напарник Ваня

сдёрнул меня с места: «Ограбление, надо ехать, пока следы свежие». Я, весь в суете, попросил девушку зайти попозже, вечером. Ближе к ночи, когда поток наконец иссяк, она постучала в дверь. Я усадил её за стол, дал бумагу и ручку — писать заявление.

Ваня за соседним столом всё это время давился смехом. У него на приёме сидела полноватая пожилая женщина — «бабушка со стажем», как она сама отрекомендовалась, уборщица из строительного института; пришла заявить о потерянном паспорте. И устроила целый спектакль: к истории о пропаже паспорта прилагался десяток анекдотов из жизни её детей, внуков, а заодно строителей и архитекторов. Бывают такие люди, что и в заведении вроде нашего, не самом весёлом, умудряются развести вокруг себя тепло.

У моей заявительницы кончилась паста, и я полез рыться в столе. Заметив это, «бабушка со стажем» вытащила из сумки штук шесть авторучек.

— Берите. Это конторские повсюду разбрасывают, а я собираю.

— А, так вы, выходит, наш клиент, — пошутил я. — Ручки таскаете. Статья!

И протянул одну девушке.

— Виталик, вот и ты попал, — захохотал Ваня. — Ручку взял — всё, ОПГ, на нары с Катериной Михайловной пойдёшь, и свидетели есть. Эх, дайте и мне парочку, с вами пойду.

Тут моя заявительница оторвалась от письма:

— Знаете, а у меня сегодня не только телефон пропал. Ещё и попугай сбежал.

— Как?

— Сама не пойму. Видно, клетку забыла закрыть. Он в форточку и упорхнул.

— Виталик, вот это уже точно по твоей части, — не унимался Иван. — Займись попугаем. Может, он телефон и спёр.

Девушка невесело улыбнулась — и так это вышло трогательно, что я невольно засмотрелся. А самое смешное, что Ваня попал в точку: я как раз тогда занимался розыском сбежавших преступников и пропавших людей.

— Попугая ловить пока не будем, — сказал я. — Не мороз, оттепель. По моему оперативному опыту, большинство сбежавших пернатых возвращается домой. Вы форточку, надеюсь, открытой оставили?

— Узнает, что такое Сибирь, — и вернётся, — ввернул Иван анекдот.

— А вы расклейте объявления по ближним домам, — посоветовал я. — Наверняка к кому-нибудь залетит. Сейчас у многих окна нараспашку — топят-то ещё по-зимнему.

— У меня Ельцин однажды сбежал, — вступила бабушка со стажем. — Через два месяца только вернулся. Уж и ждать перестала — прихожу, а он сидит под дверью как ни в чём не бывало, облизывается. Худющий, шерсть клоками…

— Кто?

— Ельцин, кот мой. У меня, милок, все коты — президенты. Предыдущего Бушем звали.

— Как-то непатриотично, — заметил Иван.

— Зато выговорить легко.

Утром, едва вернувшись с дежурства, я завалился спать — а сон не шёл. Полез в соцсети: та девушка, Юля, не выходила из головы. Нашёл её в «Одноклассниках», постучался в друзья, написал — спросил про попугая. Она ответила, что беглец вернулся. Тогда я набрался смелости и сказал, что не прочь как-нибудь познакомиться с этим путешественником. Пришёл ответ: «Иннокентий будет рад». И следом — улыбающийся смайлик. Со счастливым вздохом я повалился на кровать и наконец уснул.

А дело о пропавшем телефоне стало для меня делом сугубо личным. Ещё в первый визит Юля отдала мне коробку с документами, где значился IMEI — идентификатор телефона. Мы поставили его на контроль: этим занимается особая служба. Как только аппарат включают, приходит уведомление — мол, в него вставлена такая-то сим-карта. А по сим-карте недолго найти и хозяина.

Через день Юлин телефон ожил. Он оказался у молодого парня, работника Сбербанка. Я приехал по адресу, подождал. Смотрю — идёт мальчишка, вчерашний школьник: под курткой костюм, белая рубашка, галстук, в руках портфельчик. Сразу видно — не жулик. Спросил, где взял теле-

фон. Он перепугался не на шутку и выложил всё: валялся, мол, в снегу на обочине — как раз там, где Юля ставила машину, — он и подобрал, выключил, а потом не утерпел, вставил свою сим-карту. В таких случаях прокуратура порой возбуждает кражу, но тут всё было ясно: не украл — нашёл, просто не справился с искушением. Я взял с него объяснительную, изъял телефон и отпустил с миром.

И тут же позвонил Юле — обрадовать. Мы снова встретились, и в этот раз я уже пригласил её на свидание. С той поры мы не расстаёмся.

Глава 7. Собака

осень 1985 года

И эта история началась с потери животного.

Виктор, руководитель конструкторского бюро в одном из московских «ящиков» — так называли тогда секретные предприятия, — потерял Алмаза, двухлетнего добермана. За два года Алмаз постиг все премудрости приличного пса и беспрекословно слушался хозяина. И всё же однажды сбежал. Виноваты были отчасти весна, отчасти сам Виктор: встретив во дворе соседа, он спустил пса с поводка и, уверенный, что тот далеко не уйдёт, увлёкся разговором. А Алмаз поймал запах текущей сучки, забыл всё привитое воспитание и пошёл по следу за собачьей красавицей до самого её дома. Мало того — вместе с припозднившимся жильцом проскользнул в подъезд и залёг на площадке у заветной двери, дожидаясь, пока его впустят.

Виктор больше часа метался по дворам, звал, пока не охрип. А пёс в километре от него смирно сидел у чужих дверей. Минут через двадцать Алмаз всё же вспомнил о хозяине и рванул домой — но дверь на улицу оказалась заперта. Он бросался на неё, скрёб лапами, грыз — без толку. Лишь к трём ночи кто-то из жильцов первого этажа вышел узнать, что за шум, и выпустил пса. Тот сразу понёсся к дому хозяина — и, само собой, уткнулся в закрытую дверь подъезда.

По дороге Алмаз пробежал мимо хозяйской белой «Волги». У её двери, присев на корточки, копошился незнакомый человек в тёмной куртке и тёмных брюках. Пёс не обратил на него внимания: ему надо было к хозяину. «Волга» в эту минуту его территорией не была, охранять её Виктор не приказывал. Это лишь в книгах да в кино собаки решают почти человеческие задачи.

Виктор, измучившись, вернулся домой. Назавтра совещание, опытное производство, полигон — надо бы выспаться. Но сон не шёл; он то и дело подходил к окну, высматривая любимца. И в три часа в свете фонаря увидел чёрное пятно — Алмаз сидел внизу у дверей. Посмотри Виктор чуть правее и дальше, сквозь ветви он разглядел бы у своей «Волги» человека в чёрном. Но он смотрел только на пса. Вне себя от радости, в футболке, трениках и тапках на босу ногу, он бросился вниз по лестнице.

А Олег к тому времени уже вскрыл машину. Дальше — замок зажигания, разблокировать руль; для него давно процедуры рутинные. Он завёл «Волгу» и, не зажигая фар, тихо тронулся на первой. Впереди от бордюра стартовал второй автомобиль — Рябина на своей «копейке». Краем глаза Олег заметил у подъезда мужика с собакой. Мужик, увидев, что «Волга» поехала, что-то закричал и кинулся следом; пёс вырвался вперёд хозяина. Олег прибавил газу и моргнул Рябине фарами — поторопись. И в этот миг «Волга» заглохла. Где-то под днищем, на бензопроводе, стоял клапан, которо-

го Олег не разглядел.

Он выскочил, побежал к Рябине — но тот, вместо того чтобы притормозить и подобрать товарища, продолжал ехать. «Не видит, что ли?» Олег уже почти поравнялся с «копейкой», когда догнавший доберман вцепился ему в руку. Отбиваться было бесполезно.

Минуту спустя угонщик сидел на земле, зажимая прокушенную руку, а вокруг стояли Виктор и двое дюжих мужиков, выскочивших на крик. Алмаз сидел рядом и не сводил с Олега настороженных глаз.

— Я чего, покататься всего-то хотел, — заговорил Олег. — Я весь ущерб возмещу. Хоть сейчас заплачу.

— Милиция разберётся.

Будь Виктор один, Олег, может, и сторговался бы. Но кто-то из соседей, едва увидев в окно, что творится во дворе, уже вызвал милицию, а разбуженные жильцы жаждали справедливой расправы.

— У меня жена беременная, ну пожалуйста. Давайте по совести, сами разберёмся…

— А у тебя совесть есть?!

— Он с подельником был, — говорил мужикам Виктор. — Тот удрал. Но я номер запомнил.

Про беременную жену Олег не соврал. Они с Катей были вместе уже год — она всё-таки осталась с ним. Больше того, не без его денег поступила в университет, на филологический. Отец дочь быстро простил, а вот зятя признавать не

желал и Олега за мужа не держал. Когда Катя поняла, что ждёт ребёнка, Олег был только рад: «Все проблемы решаемы». Денег хватало и на съёмную квартиру, и на будущую няню, и на безбедную жизнь — за минувший год он заработал столько, сколько иному инженеру не собрать и за тридцать лет.

А теперь у него впервые появилась проблема, решения которой он не видел. Он сидел на холодной земле, зажимал прокушенную руку, смотрел на пса, на чужие злые лица — и думал не о милиции. Он думал о том, как легко Рябина проехал мимо. Не остановился. Не оглянулся. Бросил — и уехал. Деньги решали всё; а вот то, что человек, с которым ты идёшь на дело, в опасную минуту думает только о своей шкуре, никакими деньгами не решалось. Это был первый счёт, выставленный Олегу его собственным правилом «без лишнего человека лучше обойтись». И не последний.

Глава 8. Абхазы и гаишник

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

лето 2016 года

В один из дней, когда я разбирал в кабинете текущие бумаги, ко мне залетел Серёга, опер из нашего отдела.

— Виталик, свободен?

— Работа всегда есть.

— Не в службу, а в дружбу. Никого, кроме тебя, нет — съездишь со мной?

— Куда?

— В Южное Бутово. Угонщики бэху бросили, похоже, на разборку. Ребята из ОАО по камерам засекли.

— Жилин в курсе?

— Да, сказал ему, что тебя возьму.

Тут надо отдать должное ОАО — не открытому акционерному обществу, а оперативно-аналитическому отделу МУРа. Его сотрудники с утра до вечера сидят за компьютерами и разбирают картинку с городских камер. Камеры ДПС автоматически держат «поток»: фиксируют номер нужной машины, и можно онлайн видеть, какую камеру она проехала только что. А ребята из ОАО умеют вести и конкретных людей, и конкретные машины — порой без номеров, перебрасывая их с одной городской камеры на другую, благо их пол-

но и на домах, и в подъездах.

Мы погрузились в служебный «форд» и помчались — точнее, поплелись через пробки — в Бутово. На улице, где наши аналитики засекли БМВ, её уже не было. Неужели опоздали? Мы прошлись по тротуару, заглядывая во дворы: гаражный кооператив, мастерская, ещё мастерская, разборка и… вот она, голубушка, стоит.

Во дворе, заваленном автомобильным хламом — машины без колёс, двери и крылья рядами под навесом, — стояло несколько битых кузовов, а среди них наша краденая БМВ.

Огляделись. Стоянка напротив была с камерами. Мы зашли к охранникам, поковырялись и скачали на телефон файл, где БМВ заезжает в ворота двора. Лицо водителя, правда, толком не разобрать.

Потом зашли в саму мастерскую. Внутри — один-единственный человек: парень лет тридцати в рабочей робе, высокий, темноволосый, с карими, чуть навыкате глазами. На безымянном пальце правой руки я заметил наколку — перстень с чёрным, перечёркнутым белой полосой квадратом. Значит, в местах лишения свободы уже побывал. Наш клиент.

Серёга начал издалека:

— Мы за стеклом от водительской двери для «фокуса». Звонили вам.

Парень недоумённо уставился на нас.

— Мне не звонили.

— Как же, вот записка… — Серёга протянул ему какую-то бумажку, а едва тот её взял — лихо пристегнул его руку наручником к своей.

— Ты что творишь? — возмутился разборщик.

Дальше пошло то, что у нас называют «наступать на больное». Я предъявил удостоверение.

— Московский уголовный розыск. Ворованные машины, значит, скупаем?

— Какие, да вы что?

— А эта бэха у вас на территории?

— Да у нас ворота всё время нараспашку, кто её сюда поставил — почём я знаю!

— А мы знаем, — сказал Серёга. — Видео показать, дружище, как ты на ней заезжал?

Я повернул к парню телефон с записью.

— Я её не крал… — заявил он, не досмотрев.

— Может, и не крал. Просто…

— Купил, — подсказал Серёга.

— Да откуда у меня деньги на неё…

— Скупка краденого, — продолжил Серёга, — это, конечно, поменьше срок. Но раз мы видели, как ты заезжал, сядешь ты, дружище, по-любому — как заказчик или соучастник.

— Да у меня тут мастерская, я вообще ни при чём…

— Нет у тебя больше никакой мастерской, — зловеще улыбнулся Серёга. — Весь твой бизнес, весь этот хлам мы

сейчас к чертям конфискуем — на территории-то краденая машина. Да и тебе годков пять посидеть придётся.

— Да я ж не при делах, нет у меня ничего…

— Даже отмажешься на суде — бизнесу твоему всё равно каюк. Сейчас вызовем понятых, привезём постановление на обыск. — Я сделал вид, что набираю номер.

Мы оба — и я, и Серёга — отлично понимали, что на руках у нас почти ничего нет. Но блефовали уверенно.

— Стойте, не надо… Может, как-то решим вопрос? Полюбовно.

Предложение взятки приходилось выслушивать каждому оперу, и не раз. Не поддаться искушению трудно — но есть те, кто любит трудности. «Дураки, — скажут многие. — В этом прогнившем мире деньги давно не пахнут. Всё продаётся, и все продаются, а чего не купишь за деньги, купишь за большие деньги». Слышали. И всё же мне приятнее оставаться тем дураком, который не даёт миру догнить до конца. Человеком, у которого внутри есть свой закон. Кант говорил, что две вещи наполняют его душу удивлением и благоговением — звёздное небо над головой и нравственный закон внутри. Я готов под этим подписаться.

А жулики? Мы — я о себе и о таких операх, как Серёга и Женька, — с жуликами не дружили и в денежные отношения не вступали. Но информация была нужна нам как воздух. Зная, что на авторазборках можно найти краденые запчасти, мы пользовались положением и создавали хозяину неудоб-

ства: приезжали, говорили, что ищем угнанную машину и есть сигнал, мол, запчасти с неё у тебя на складе, — и грозились закрыть склад на месяц, изъять всё на проверку. А там деталей миллионов на десять. Под таким давлением владелец быстро выкладывал нужное. Здесь же и рычаг искать не надо — вот она, краденая БМВ.

— Это как — полюбовно? — возмутился Серёга. — Ещё и за дачу взятки сесть хочешь?

Разборщик, однако, почуял, что может выйти сухим.

— Так что вам надо?

— Информация, — сказал Серёга. — Информация, дружище, решает всё. Расскажи: кто ворует, что ворует — всё, что нам полезно. А там, глядишь, и не тронем.

И он стал рассказывать. Сдал того, кто пригнал бэху. Припомнил пару случаев. Завёл долгую историю про старые «жигули» без номеров, что привезли таджики.

— «Жигули» нас не интересуют, — оборвал я. — Давай про дорогие.

— Ну… — он на секунду задумался. — Я тут недавно абхазов возил гелик покупать.

Вот тут я едва не замер с открытым ртом. Оказалось, некие абхазские товарищи, знакомые ему ещё по старым временам, через общих людей попросили достать «мерседес» — да не какой-нибудь, а «гелендваген». Подешевле, а происхождение машины их не волновало. Разборщик позвонил кому надо, те попросили подождать: есть, мол, в Москве спе-

циалист, достанет быстро. Через день перезвонили: вези своих абхазов в Семёнково, что за Шишкиным лесом, к такому-то часу.

— Я вам сейчас скажу, кто им гелик выкатил, — разборщик будто почувствовал мой интерес. — Но и вы в моё положение войдите.

— Говори, — Серёга глянул на меня, — а там решим.

— Так вот, это был ваш человек. Мент.

— Что? — переспросил я.

— Мент. Гаишник. В форме. Подъехал на патрульной, велел подождать, ушёл в какие-то дворы — и через пять минут прикатил «гелендваген». Отдал абхазам и поехал себе дальше патрулировать.

— Запомнил его?

— Да. И номер машины записал.

Эта информация стоила того, чтобы ослабить поводок. Разборщик теперь знал, что за ним приглядывают, — а значит, беды от него ждать не приходилось: полгода уж точно поостережётся брать на разбор краденое.

Я тут же взялся за гаишника: свёл график дежурств ДПС с номерами патрульных машин — сомнений не осталось. Написал рапорт и пустил по инстанции: «поступила информация о том, что на территории Московской области действует организованная группа, участники которой занимаются кражами дорогостоящих автомобилей. Согласно полученным сведениям, в её состав может входить уроженец г.

Люберцы Иванов Андрей Андреевич, действующий сотрудник ДПС ГИБДД УВД по ТиНАО. Совместно с другими участниками, возможно, также сотрудниками полиции, он может быть причастен к кражам машин премиум-класса с использованием специальных технических средств. В связи с изложенным полагаю необходимым направить данную информацию в управление собственной безопасности для организации совместных оперативно-розыскных мероприятий…» Дальше шли его телефон и адрес.

Но когда через день я сам собрался потолковать с господином Ивановым, выяснилось, что он, оказывается, ещё месяц назад подал рапорт об увольнении, рапорт удовлетворили, и вчера он окончательно оставил службу. Странно, что именно вчера. Впрочем, бумаги — материя послушная: если тебя покрывают сверху, их всегда можно оформить задним числом. По адресу прописки — никого. Телефоны, и его, и жены, не обслуживались. Я зашёл ещё раз, застал на лестнице соседку. «Так они ж вчера вечером в Крым уехали, — объяснила она. — Родня у них там».

Я полез в базу — что за «гелендваген». И вот что любопытно: за две недели до того в Москве не угнали ни одного «мерседеса» G-класса. Значит, это был не свежий заказ, а машина, угнанная заранее, на перспективу, и уже подготовленная — с перебитыми номерами и новыми документами. Она стояла где-то в гараже и ждала своего часа. Есть люди, вхожие в тему, вроде посредников: найдёшь покупателя —

получишь процент. Думаю, гаишник, а может, и кто из его начальства, как раз и был таким посредником. Те, кто украл машину, перекатили её в удобное место; гаишник подъехал, забрал, отдал абхазам, получил деньги — основное отдал угонщикам, процент оставил себе.

Сеть понемногу проступала из тумана. И в самом её центре, за всеми этими разборщиками, гаишниками и посредниками, угадывался кто-то один — спокойный, невидимый, умеющий «достать быстро». Тот самый специалист из Москвы.

Глава 9. Машины для бандитов

лето 1988 года

К началу девяностых Москву стали заполнять дорогие иномарки, и старый хит Дженис Джоплин — «O Lord, won't you buy me a Mercedes-Benz» — сделался вдруг актуальным и у нас. Дорогие, навороченные машины покупали все: и бандиты, и те, кто с ними боролся. Угон стал делом не менее прибыльным, чем рэкет, и за него взялись многие крупные группировки. Первыми, ещё в начале перестройки, поставили его на поток долгопрудненские — у них раньше прочих появилась база: сеть кооперативных автомастерских в Подмосковье и платные стоянки.

Работа шла конвейером. Одни высматривали машины, другие — собственно угонщики — уводили их в тихое место, третьи меняли номера и по поддельным документам гнали в сервис, где автомобиль либо разбирали, либо перебивали и продавали уже ждавшему клиенту. Были и мастера поддельных бумаг. К концу восьмидесятых подтянулись люберецкие, солнцевские, подольско-щербинские — у каждой группировки свой почерк. Подольско-щербинские, например, попросту «кидали» продавцов на рынке в Южном порту, и кидали силой: в договоре указывалась одна, заниженная сумма, её и платили, а отъехав, вместо доплаты выкидывали продавца из машины. Предъявить ему было нечего.

К девяностым бандиты держали почти всю торговлю автомобилями и творили что хотели — солнцевские однажды попросту закрыли авторынок в Южном порту и открыли свой, у себя в районе. Сбыт краденого был отлажен до мелочей. Беда была одна: каждый рвал кусок побольше от этого пирога, и на дележ уходило немало и патронов, и людей. Случалось, угоняли машины и друг у друга.

Время было лихое и короткое на жизнь. Сегодня человек сидел в ресторане хозяином города, а завтра его выносили вперёд ногами под чужими цветами и духовой оркестр. Кладбища обрастали циклопическими гранитными памятниками в полный рост — в малиновых пиджаках, с ключами от «мерседеса» в руке. Олег на эти похороны нагляделся. И вывел из них простую науку: чем ближе ты к верхушке, тем короче живёшь. Поэтому он никогда не лез в верхушку. Не носил малиновых пиджаков, не садился во главе стола, не лез в передел. Он был при бандитах, но не из бандитов — мастеровой человек, который делает свою работу и берёт за неё деньги. Так дольше проживёшь.

В этой каше Олег чувствовал себя как рыба в воде. Колония — два года за белую «Волгу» — пошла ему, как ни странно, на пользу: он оброс связями, и репутация мастера год от года только росла. Нужна хорошая тачка? — Тихий сделает. Прозвище это он получил за спокойствие, за нежелание светиться попусту и лезть в свары. Спокойствие у него было в крови.

Рассказывали — может, привирали, может, нет, — как однажды серьёзные люди заказали ему машину, а пока он её пригнал в условленный двор, там уже шла разборка: подъехали чужие, кто-то кому-то был должен, замелькали стволы. Любой на месте Олега бросил бы тачку и дал дёру. А он спокойно дождался, пока крик стихнет, подошёл к старшему, отдал ключи, сказал: «Заказывали — пригнал. Деньги потом, вижу, вы заняты», — развернулся и ушёл, не ускоряя шага. После этого его и стали звать Тихим. Не потому, что молчун, — а потому, что рядом с ним даже в горячую минуту почему-то становилось тихо. Он не суетился никогда. А несуетливый человек в той среде, где все на нервах и на адреналине, выглядел почти колдуном.

Тогда, в восемьдесят пятом, дядя Миша Олега и Рябину от срока не отмазал, но и они его не сдали — и в начале девяностых по-прежнему работали «на дядю». Только дяди менялись быстро: дядю Мишу убили в девяностом в Киеве, Коляна, школьного приятеля, ставшего бригадиром, — в девяносто втором, знаменитого Сильвестра, пользовавшегося услугами Олега через посредников, — в девяносто четвёртом. А тихий, неприметный Олег тем временем превратился в вожака небольшой, слаженной, наглухо вросшей в криминальный мир группы, заточенной на одно — угон дорогих машин. Кроме Рябины, в неё входили школьный друг Сашка — живой, бойкий, на любой случай готовый анекдот, — парень по прозвищу Язь и ещё несколько человек, что при-

влекались от дела к делу.

Бригада держалась на нём одном. Сашка умел разрядить любую минуту шуткой, Язь был дерзок и быстр, Рябина знал рынок, — но голова была у Олега, и все это понимали. Он платил щедро, по справедливости, не зажимал чужой доли — и оттого его ценили. Но и держал всех на расстоянии вытянутой руки. С Сашкой мог проговорить полночи и посмеяться, а наутро смотрел на него так, будто видел впервые. Дружбы он не заводил ни с кем. Каждого мерил одной меркой: что будет, если этого человека прижмут? Сдаст или нет? И по большинству выходило — сдаст. Рябина однажды уже бросил его у чужого двора, удирая на своей «копейке». Олег это помнил. Он вообще ничего не забывал.

Машины той поры он помнил как родных. Сначала солидные «мерседесы» представительского класса, на которых ездили первые перестроечные дельцы; потом пришёл знаменитый «шестисотый» — тяжеловесный, мощный, надёжный шедевр, в самый раз по имиджу владельцев: бандитов не из мелких, дельцов, крупных чиновников. Японцы тогда тоже взялись за люкс, но на нашем рынке немцы держали первенство. Кто рангом пониже, выбирал «бэхи» да «мерсы» попроще — хотя и среди них попадались волки в овечьей шкуре, тихие с виду машины со спорткаровской прытью. Из внедорожников в ходу были крепкие, проходимые японцы и роскошный «гранд чероки». А «гелендваген» — тот самый, что потом станет главной добычей Олега, — пока только под-

бирался к вершине, год от года матерея, чтобы к концу девяностых занять её прочно и надолго.

Угоном дорогих машин в одиночку, как правило, не занимаются. Какими бы хитрыми ни были приёмы — а взять можно любую машину, вопрос лишь времени, — без товарища трудно. Прежде всего на случай непредвиденного: впереди угнанной машины часто идут свои, и стоит появиться гаишнику с палкой, как идущие впереди что-нибудь нарушают, отвлекают его на себя — а краденый автомобиль тем временем спокойно проезжает. Есть и приёмы, где без второго человека не обойтись вовсе. Но в те годы и отношения с гаишниками были проще, и хитрой электроники ещё не водилось.

И всё же работа в группе — на казённом языке в составе ОПГ — уже тогда Олега тяготила. С большинством машин он управился бы сам, и так было бы и надёжнее, и безопаснее, и выгоднее. Товарищам он доверял — но доверие имело предел. Люди слабы; на этой аксиоме строились все его отношения с миром. Предать может любой. И его собственная жизнь была тому примером.

Вернувшись в восемьдесят восьмом в Москву, Олег к Кате не вернулся. Она, ещё не родив, вышла замуж за однокурсника — сына университетского профессора. Месяца два они переписывались, потом она отвечать перестала. А после родов вдруг приехала к нему в колонию. Плакала, просила простить — за всё. Потом сказала:

— Миша хочет, чтобы сын ничего о тебе не знал. Он готов

быть ему отцом.

— Пусть будет, — ответил Олег.

И сам себе удивился: всё, что она говорила, его совершенно не трогало. Меньше хлопот — только и всего. Ни тепла, ни влечения, несмотря на полгода вынужденной аскезы, он не чувствовал. Перед ним сидел не родной человек, а незнакомая, располневшая, слезливая женщина и говорила о каком-то ребёнке, о каких-то потраченных деньгах. Поймав в его глазах это равнодушие, она вдруг спросила:

— И что, ты совсем ничего ко мне не чувствуешь? Ничего не хочешь сказать?

— Ничего, — ответил Олег.

Так в нём закрылась ещё одна дверь — та, за которой когда-то была его первая любовь, его жена, его сын. Закрылась тихо, без боли, и это пугало бы любого нормального человека: разучиться чувствовать страшнее, чем страдать. Но Олег испугаться уже не мог. Он сам не заметил, как из горячего восемнадцатилетнего мальчишки, готового драться с отцом любимой, превратился в того, кто на «ничего не чувствуешь?» спокойно отвечает «ничего». Колония отняла у него не два года. Она отняла способность считать кого-то своим. А взамен оставила связи, репутацию и тихую, холодную уверенность, что в этом мире надо рассчитывать только на себя.

Глава 10. Мотоциклист

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

весна 2016 года

Я собирал справки, отсматривал видео, разбирал по косточкам каждую кражу «гелендвагена» — искал особенности. Это кропотливая, скучная для постороннего работа: часами гоняешь одни и те же серые записи, перематываешь, вглядываешься, пока не зарябит в глазах. Но именно из этой рутины и рождается чутьё. В целом ряду угонов проступал один и тот же почерк, и камеры, судя по всему, ловили одного и того же человека. Почти все кражи приходились на юг и юго-запад Москвы. Брал он в основном двухлетки на дизеле — машины, у которых ещё не кончилась гарантия, но уже сошёл первый, самый заметный лоск, такие легче пристроить. Несколько раз приезжал на место на мотоцикле без номеров. И всегда работал с четырёх до шести утра — в золотое для угонщика время, когда сон у людей самый крепкий, а улицы пусты.

У меня уже набралось несколько похожих записей: один и тот же сценарий, только декорации разные — то подземный гараж, то двор, то улица у дома. Вечером хозяин ставит «мерседес», и тот спокойно стоит до четырёх утра. Потом появляется человек в кепке, надвинутой на самые глаза, так

что лица не разобрать. Двигается он неторопливо, уверенно, без суеты — так ходят не воры, а хозяева. Подходит с сумкой, присаживается с правой стороны, что-то делает — я уже знал, что он сверлит отверстие под щуп, — несколько секунд возится у двери, открывает её, через пару минут заводит мотор, включает фары и уезжает. В ближайшем тихом месте снимает номера. По уличным камерам это видно отчётливо: вот машина ещё с номерами, а вот уже без них, уходит на юг, за пределы города, где камер нет.

Чем дольше я смотрел на этого человека в кепке, тем сильнее он меня цеплял. В нём не было ничего от шпаны. Было спокойствие мастера, который сто раз это делал и сделает ещё. Я тогда не знал ни имени его, ни лица — а уже начал, грешным делом, его уважать. Так охотник невольно проникается уважением к крупному, хитрому зверю, которого всё никак не возьмёшь.

Я озадачил этим угонщиком ребят из оперативно-аналитического отдела — попросил отслеживать, вдруг проявится. И ждал.

И однажды мне почти повезло. Хозяева хватились машины рано утром. Я только вошёл в кабинет — Паша из ОАО ещё до совещания показал свежие записи: вот наш герой подъезжает на мотоцикле, вот заводит «мерседес», выезжает, сбрасывает номера, вот уже катит на нём по городу, сворачивает с Рублёво-Успенского шоссе на Осеннюю улицу. Меня удивило, что машин сопровождения не было вовсе.

Похоже, этот и впрямь работал в одиночку. Через несколько минут он со шлемом в руке возвращается на шоссе, ловит попутку, а дальше — по камерам у места кражи — забирает свой мотоцикл и исчезает.

В девять утра, прихватив на всякий случай табельное, я уже летел на «иксе пятом» в сторону Осенней. Была надежда, что угнанный гелик где-то отстаивается во дворах. Тем более что Осенняя всплывала и в старых делах: дважды угнанные «мерседесы» уже растворялись в этом районе. Может, повезёт в третий.

Улица сама по себе ничем не примечательна. Если заезжать с Рублёвки, слева тянется лесополоса, справа — советские многоэтажки, в восьмидесятые считавшиеся элитными. Первый большой дом, номер второй, прозвали «чазовским» — его строили для сотрудников кардиологического центра. За ним, чуть в стороне, стоял неприметный дом номер четыре, а в нём — всего девятнадцать квартир, и жили в них в своё время самые громкие имена эпохи: бывшие премьеры, реформаторы, кремлёвские деятели, а с ними почему-то и семья известного сатирика. Дальше по Осенней шли уже совсем обычные дома, гаражный кооператив, какие-то промзоны. Я въехал через арку «чазовского» дома во дворы.

Там обнаружилось то ли бомбоубежище, то ли подземный гараж, и ворота в него стояли нараспашку. Сердце ёкнуло: вот оно. Я прямо на машине завернул внутрь, перекрыл въезд, вышел. В лицо пахнуло сыростью и бетоном. Свет го-

рит, тянутся ряды боксов — и ни души. Походил, послушал собственное эхо, покричал — ау, есть кто живой? — тишина в ответ. Только где-то капала вода. Место было самое то, чтобы спрятать машину: глухо, безлюдно, заезжай и работай. Но сейчас здесь было пусто, и эта пустота почему-то злила больше, чем если бы я наткнулся на запертую дверь. Я выехал задним ходом и поехал дальше осматривать улицу и дворы.

Раз мой угонщик вернулся на шоссе всего через пятнадцать минут, я прочесал всё, что было в пешей доступности. Обошёл двор за двором, заглядывая под навесы и за гаражи, всматриваясь в каждую тёмную крупную машину, — а ну как мелькнёт знакомый чёрный силуэт. Добрался до ближайшего гаражного кооператива. Заглянул в будку к охранникам, показал удостоверение и сказал, что начальство в рамках антитеррора велело проверять гаражи, — спросил про утренние записи. Так лучше: меньше подозрений, чем если объявить, что ищешь угнанную машину, и честных сторожей не пугаешь. Мне показали камеры — ни одного «гелендвагена» за ночь на территорию не заезжало. И на внешней камере, что захватывала Осеннюю, гелика я не нашёл. Городских камер здесь стояло немного, и охватывали они далеко не всё. Словом, всё утро проходил впустую — и вернулся на Петровку злой, как собака, у которой из-под носа увели след.

Скорее всего, угонщик работал под заказ, и машину сразу принимали сообщники. У меня было предчувствие, что обмен происходил как раз в том подземелье, куда я с ходу

заехал, — там удобно и номера накрутить, и маячки поискать. Догадка подтвердилась через пару дней: вернувшись на Осеннюю, я увидел, что въезд в подземелье заперт на тяжёлый замок. Будто кто-то почувствовал, что сюда заглядывали, и затворился.

Я постоял перед этими запертыми воротами, и было у меня странное, двойственное чувство. С одной стороны — досада: опять разминулись, опять он на шаг впереди. А с другой — азарт. Я уже понимал, что напал на след не мелкого угонщика-однодневки, а кого-то серьёзного, давнего, по-настоящему умелого. Такого, за которым стоит идти долго. Я ещё не знал, что эта дорога растянется на годы. Но что иду по верному следу — почувствовал именно тогда, у запертого подземелья на Осенней.

Глава 11. Киевские гастроли

лето 1990 года

Любовь к Киеву началась у Олега с любовной истории.

Работая на дядю Мишу, он часто наведывался в этот зелёный, привольный город — у Миши там были и родня, и дела. Младший брат дяди Миши, Алекс, тоже промышлял нелегальным автобизнесом, не брезговал и скупкой-перепродажей краденого. К немногословному, спокойному московскому гостю он проникся симпатией сразу. Тем Олег и был хорош, что в Киеве его никто не знал: чистый человек, без хвоста. Поселился он в одной из квартир Алекса — в старом, начала прошлого века, доме на Кудрявской улице, с лепниной по фасаду и гулкой парадной.

Однажды, возвращаясь из центра, Олег увидел, как прямо перед ним, заехав правыми колёсами на тротуар, останавливается его давний знакомый — «Мерседес-Бенц» W116 цвета «голубой металлик». Точь-в-точь как тот, у Высоцкого. На какой-то удар сердца Олегу почудилось, что сейчас из машины выйдет тот самый человек и скажет: «Ну вот, я же говорил — будет у тебя такой же». Он замер посреди тротуара.

Но вместо давно умершего актёра из «мерседеса» выбрался здоровенный детина быковатого вида — золотая цепь на шее, джинсы, чёрная футболка с эмблемой какого-то спортклуба. Он обошёл машину, потянулся было к пассажирской

двери — но та распахнулась сама, и наружу выпорхнула голубоглазая светловолосая девушка в такой же футболке и шортах. Олег всё стоял и смотрел на машину, не в силах сдвинуться с места.

— Чего уставился? — Парень, поигрывая мускулами, двинулся на него. Девушка осталась стоять чуть поодаль.

— Ничего. Машина классная. У Высоцкого точно такая была. «Вэ сто шестнадцать». И цвет тот же.

— Да ну? Гонишь. — Раздражение спортсмена сменилось любопытством.

— Я сам в детстве в ней разок сидел, — продолжил Олег. — Хорошая тачка. Вечная.

— Ты Высоцкого, што ли, знал?

— Пообщался разок. На Таганке его часто видел.

— В тюрьме?

Олег понял, что детина имеет в виду «Таганку» из знаменитой песни.

— Да нет. Таганка — это у нас в Москве. Улица, и театр так называется, где Высоцкий играл. Я на его спектакли ходил. А тюрьма рядом с Таганской площадью когда-то стояла, её ещё в шестидесятых снесли. У Высоцкого и про это песня есть.

— Ты из Москвы, што ли?

— Да.

— А тут чего?

— К друзьям приехал.

— Ну и как тебе? Нравится?

— Я люблю Киев. Тепло. И девушки у вас красивые.

Словно в подтверждение, из подъезда дома напротив выпорхнула ещё одна девушка в лёгком летнем платье и не подошла, а будто подлетела к той, что стояла у машины. Они были чем-то похожи — обе яркие, светловолосые, с фигурами как с обложки.

— Сёстры? — спросил Олег.

— Подруги, — буркнул парень. — Ты реальный Киев-то видал?

— Смотря о чём речь.

— Ну там, где жизнь настоящая. «Бурбон», «Гурман»?

— «Бурбон» — это который под Рыбкой? — Олег вообще-то не разбирался в киевских авторитетах, что держали городские рестораны, но желание подойти к девушке из дома напротив перевесило обычную осторожность.

— Ого. И это знаешь. В теме, што ли?

— Типа того. Олег.

Он протянул руку, и она утонула в чужой лапище.

— Влад.

Скоро Олег уже знал, что девушек зовут Наташа и Олеся, что они одноклассницы, что первая — подруга Влада, а вторая, за которой Влад с Наташей и приехали, вроде как свободна. Знал и то, что сам Влад когда-то профессионально боксировал, а теперь «работает» в одной из бригад известного авторитета Бориса Савлохова.

Дальше всё закрутилось стремительно. Уже назавтра Олег снова встретился с Олесей — и эта встреча оказалась не последней.

С Олесей у него вышло иначе, чем когда-то с Катей. Катю он любил так, как любят в восемнадцать, — без оглядки, всем собой; и эта любовь его потом обожгла. К Олесе он не воспылал. Она была красива, весела, ей нравились дорогие машины и красивая жизнь, ему нравилось эту жизнь давать — и обоим этого хватало. Никаких клятв, никакого надрыва. Удобная, ровная связь двух людей, каждый из которых знает, что почём. Он сам не заметил, как из этой ровной связи вырастет жена, дом, дочь Алёна — целая семья, в которой все будут жить рядом и порознь. Тот мальчишка, что дрался бы за Катю с её отцом, в нём уже умер. Остался расчётливый взрослый, который выбирает себе спутницу так же спокойно и со знанием дела, как выбирает машину.

Что же до самого «мерседеса Высоцкого», то Олег в конце концов уговорил Влада его продать. Правда, судьба обоих — и машины, и Влада — сложилась незавидно. Влад через год сгинул в очередной разборке, как сгинули в те годы многие из тех, кто рвался поближе к верхушке. А серебристый, с голубым отливом W116, благополучно довезя Олесю и Олега до Москвы, сгорел в гараже приятеля — вместе с двумя угнанными машинами, что стояли там под разбор. Так Олег во второй раз в жизни потерял свой «мерседес мечты». Первый увёл у него на проспекте сам Высоцкий — вернее,

само время; этот забрал огонь. Он не слишком расстроился. Он уже понял главное про вещи и про людей: всё, что у тебя есть, рано или поздно сгорает, уезжает или предаёт. Держаться надо не за то, что имеешь, а за умение добыть это снова. Машину он добудет. Он что угодно добудет. Вопрос только цены.

Глава 12. Активист домоуправления

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

осень 2016 года

Была у нас хорошая традиция — после утреннего совещания идти завтракать в буфет. Всё, что не успели или не захотели проговорить на совещании, доводилось здесь, за столиком, в неформальной обстановке. Спускались все — опера, аналитики, технари, сам начальник отдела. Буфет был просторный, заставленный квадратными столиками на четверых; за стойкой посменно, через неделю, работали две женщины, Люда и Катя, — они давно знали вкусы каждого. Впрочем, вкусы у большинства были одинаковые: яичница с сосисками.

В то утро мы сидели с моими друзьями и коллегами Женей и Костей, ждали завтрак и утешали Славу — опера из нашего отдела, который накануне помял правое крыло и разбил фару своей машины. Помял, можно сказать, по служебной надобности: следя за угонщиком, въехал в зад «тойоты» какой-то барышни. Виноват, понятно, был он, но её ущерб покрывала страховка, а вот ремонт собственного «форда» предстояло делать за свой счёт.

— Вот и езди на своём. Служебной надо пользоваться, — горестно подытожил Слава.

— Да не парься, как-нибудь поможем, — сказал Женя.

— Погоди, может, Жилин договорится, — добавил Костя. — Ты ж в рапорте написал, что по служебной надобности, при исполнении…

— Везде есть нормальные люди, — вставил я. — Вот я в Чечне чужие «жигули» вообще в лепёшку смял.

И, благо Люда не торопилась с завтраком, я рассказал историю, которая в своё время стоила мне немало нервов.

— В Чечне я какое-то время водил не БТР, а «покемон» — бронированный «Урал», вездеход. На моём стояла глушилка.

— Целый «Урал», чтобы глушилку возить? — удивился Костя. — У наших жуликов глушилка в сумку влезает.

— Так то слабенькая. А там — мощная, на сотни метров. Едешь в колонне и гасишь всё подряд — радио, связь, чтобы боевики дистанционно мину не подорвали. Но история не про мины. Приехали как-то к нам энтэвэшники снимать зачистку. И кто-то из них по случаю прикупил у местных «пятнашку» — почти новую, сиденья ещё в целлофане. Приезжаем на объект, а они, умники, поставили машину аккурат в мёртвой зоне моего «покемона» — её ни спереди, ни сзади не видно.

Я прервался — подошла Люда с тарелками. Расставил, продолжил:

— Отсняли, командир машет: выдвигаемся. Я за руль, заднюю передачу, сдаю назад — и вдруг вижу: оператор бросает камеру и бежит ко мне, что-то орёт. Торможу. Гляжу — а я бронированным бампером вмял дверь той «пятнашки» и даже не почувствовал. Ну и началось. Полковник наш орёт: «Всё, теперь меня уволят, тебя под суд, покупай им новую машину!» А у меня откуда деньги — солдат, и у родителей пусто. Полковник вместо того, чтобы прикрыть, повёл себя как тряпка.

Я отхлебнул чаю.

— А был с нами начальник разведки. Посмотрел он на эту канитель, подошёл ко мне: «Не волнуйся, парень. Своих не бросаем». А энтэвэшникам говорит: «Ребята, у вас ровно час всё забыть или уехать. Тут боевые действия, всякое случается». Намёк поняли мигом. Денег на дорогу он им выдал, и их как ветром сдуло. Помятую «пятнашку» потом кто-то из местных купил, деньги телевизионщику передали. А полковник, что панику развёл, будто себе накаркал — вскоре подорвался, ногу оторвало, уволили по инвалидности.

— Да уж, и смех и грех, — Серёга, подсевший к нам, повернулся к Жене. — А помнишь, как мы под грибком сидели?

И рассказал уже свою. Сидели вчетвером во дворике, отдыхали после тяжёлого дня. Решили добавить — а Витька возьми и сядь за руль, хотя был с нами трезвый Коля, тот один лимонад пил. Коля ему: «Витёк, давай я». Да попро-

буй останови дурня. Сел, начал выезжать — хрясь по одному бамперу, вперёд — по другому. А там тачки навороченные стояли. Из дома выскочили двое хозяев, орут, лезут драться. А Никола, трезвый и с табельным, достаёт ствол и таким ледяным, спокойным голосом: «Ну-ка мордой в землю. Уголовный розыск». Те и легли. Повязали их, документы глянули — и оба, представьте, в розыске оказались. А второй хозяин подошёл, мужик нормальный: осмотрел бампер — ни вмятины, ни трещины — махнул рукой и ушёл.

Воспоминания прервал Павлик из ОАО, подошедший к столику.

— Ну что, вечером угощаешь?

— Чем?

— Пивом.

— Каким?

И тут недоумение сменилось радостью: я вспомнил, что обещал проставиться, если ребята найдут мотоциклиста — так я про себя окрестил угонщика «гелендвагенов».

— Неужели нашли?

— Похоже, нашли.

Наскоро дожевав, я помчался к компьютеру.

— Смотри, — Пашка ткнул в экран. — Тут всего один дом с паркингом, куда он заезжает. В три ночи сегодня выезжает, в восемь снова заезжает. И всё. Значит, он там и живёт.

Я оторвал Женю от бумаг, и через час мы подкатили к дому. Дорогой двадцатиэтажный кирпично-монолитный дом с

подземным паркингом. Снаружи мотоцикла не было. Спустились в паркинг — и вот она, спортивная «хонда» без номеров.

Как я уже говорил, мы редко объявляем, что мы из МУРа: понимающий человек сразу смекнёт, что пришли не просто так, и спугнёт. Поэтому — легенда. Чаще всего плановая антитеррористическая проверка: с приходом терроризма такие обходы гаражей и домов стали делом обычным. Прошлись по паркингу, оглядели камеры, незаметно отсняли мотоцикл и постучались в комнату охраны. Открыл спокойный высокий мужик лет пятидесяти, в чёрной форме.

— Осматриваем паркинги на предмет террористической угрозы, — пояснил я. — Бесхозные машины, крупногабаритный мусор. Как у вас с этим?

— Да всё под контролем.

— Третий дом обходим, — посетовал Женя. — Понятно, что под контролем, да шефы требуют.

— Понимаю. Хотите — пройдём.

— Камеры всё охватывают? — спросил Женя.

— А как же. Я вас, кстати, ещё на въезде заметил, уже хотел идти смотреть, что за люди.

— А журнал в порядке? Глянуть можно?

— Да-да, пожалуйста.

Мы сделали вид, что изучаем журнал, и вышли с охранником в подвал.

— О, а что в ящике? — Женя кивнул на ржавый железный

ящик у стены.

— Песок. На случай пожара.

— Пожарные не требуют покрасить в красный?

— Нет.

Прошли по рядам. Я приметил запылённую «тойоту камри».

— А эта чего стоит? Чья?

— Сергея Михайловича из пятьдесят первой. Он с семьёй в Испании живёт, приезжает раз в три месяца.

— Я смотрю, вы тут всех знаете.

— Ну, не всех, — польщённо протянул охранник. — Почти всех.

— Жень, — я указал на мотоцикл, — гляди, такая же «хонда», как у тебя.

— Ну да, трёхсотка. Цвет только другой.

— А мотоцикл чей? — будто между прочим спросил я. — И что без номеров? Давно стоит?

— А, это Олега из сто двадцать седьмой. Да номера у него есть, всё законно. Олежка по утрам иногда на дачу на нём гоняет. Это наш активист. Благодаря ему тут у нас тотальный контроль.

— Как это?

— Ну, он жильцов сподвиг инициативную группу собрать, камеры поставить, охрану нанять. Сам и спонсировал. У него тут дочка машину паркует, и жена.

— Хорошо, когда такие люди есть. Бизнесмен, наверное?

— Не иначе. Но из приличных — без растопыренных пальцев, как нынче модно. Камеры даже сам помогал ставить.

Мы задали ещё пару вопросов про машины и тепло распрощались.

— Видал? — хмыкнул Женя уже на улице. — Активист домоуправления. Хорошо бы «хонду» его замаячить. Да сразу заметит, гад.

— Не факт ещё, что это наш активист, — осадил я скорее себя, чем его. Хотя внутри уже звенело.

Вернувшись, мы стали пробивать жильцов сто двадцать седьмой квартиры. Официально в ней была прописана одна владелица — Кузнецова Олеся Сергеевна. И больше никого. Я ввёл в базу Кузнецова Олега — и тут же нашёл. Это был он, тот самый, кого я искал. Человек, начавший воровать машины ещё в советские времена. В восемьдесят пятом — два года колонии. В две тысячи девятом попался на угоне «мерседеса» в Киеве, осуждён, но не посажен. В пятнадцатом привлекался за мелкое хулиганство. А в четырнадцатом в одном из московских отделов, как сказано в сводке, «документировался по окраске „кража а/м“». Послужной список внушал уважение.

Машино-места на паркинге ему тоже не принадлежали. Тремя владела дочь Алёна, ещё одним — Олеся, с которой он формально был в разводе. Автопарк семьи впечатлял: у Алёны два «гелендвагена», чёрный и белый; у Олеси «Бент-

ли Бентайга» на зиму и «Мерседес-Бенц GT» на лето. И на всех машинах — заветные семёрки в номерах. А у самого Олега Кузнецова в собственности не было ни машины, ни мотоцикла. Ни-че-го. Король, у которого формально нет даже стула под собой.

Стали смотреть городские камеры у его подъезда. И я ничуть не удивился, увидев, что обе — и на крыше, и над дверью — то ли заклеены, то ли закрашены. Слепые.

Радостный, я двинул к Жилину. В кабинете застал не только его, но и заместителя — Сергея Зимина. Тот появился у нас после того, как Кострова вывели за штат. Ненужными поручениями оперов не загружал, зато старался вникнуть в работу каждого до мелочей. Вальяжный, представительный, в дорогом костюме с иголочки, на провинциала он не походил совсем, хотя до Петровки жил в Твери и занимал там в розыске немалые должности.

Я доложил об утреннем выезде и предложил немедленно ставить наружное наблюдение. Зимин загорелся:

— Всё, давай, пиши бумагу, сейчас же поставим наружку. Теперь он попал. Будем по нему работать.

И я впервые за все эти месяцы почувствовал, что невидимый мастер из моих видеозаписей обрёл наконец имя, адрес и лицо. Мотоциклист перестал быть тенью. У тени появилась квартира сто двадцать семь.

Глава 13. Согласно схеме

весна 2014 года

Говорят, вкусы, сложившиеся в детстве, потом не переделать. Может, та случайная встреча с Высоцким — точнее, с его «мерседесом» — и определила всю дальнейшую страсть Олега к этой марке. А потом тот же «мерседес», уже в Киеве, привёз к нему будущую жену. Похоже на судьбу.

Когда Олег брался за «бэху», «лексус» или «порше» — а в его послужном списке не значились разве что «ламборгини», «феррари» да «бугатти», — он не испытывал никаких особых чувств. Просто делал дело. А вот садиться в очередной «мерседес» ему было откровенно приятно. Со временем он даже понял, какой из этих железных коней отвечает ему полной взаимностью и будто сам ждёт, когда придёт Олег и заберёт его. Это были «гелендвагены». Надёжные, неубиваемые, способные выбраться целыми из любой передряги. Настоящие. Дорогие и стильные, но без лишних понтов: строгие, внушительные, с историей.

А история у G-класса и впрямь богатая. Первые такие машины появились ещё в середине двадцатых годов прошлого века — на похожих, говорят, разъезжали даже вожди Третьего рейха. Но настоящим годом рождения «гелендвагена» считают семьдесят девятый: тогда на заводе в Граце пошёл с конвейера первый внедорожник, которому предстояло по-

чти не менять облик десятилетиями. Менялось другое — начинка: год от года в нём как-то уживались несовместимые, казалось бы, вещи: вездеходная мощь и городской комфорт, проходимость танка и лёгкость управления. На «геликах» в разные годы ездили и кремлёвская охрана, и, говорят, сам папа римский. Машина на все времена. Олег это чувствовал всем нутром мастера.

К две тысячи четырнадцатому он давно работал один — и гордился этим. Расстался он со старыми подельниками, Рябиной и Язём, ещё в девяносто восьмом: считал их жадными и неразборчивыми. В тот год они по глупости увели «мерседес» у одной киноактрисы со связями и в бандитских, и в силовых кругах — Олег к этому делу руки не приложил, но осадок остался. Теперь оба тянули уже второй срок, попавшись на «лексусе» какого-то прокурора. Олег давно предвидел, что жадность их погубит, и заранее отошёл в сторону.

Так он пришёл к тому, к чему стремился всю жизнь, — к работе в одиночку. Сам процесс угона он совершал один, без свидетелей и без лишних людей за спиной. Но вокруг этого одиночества раскинулась огромная, годами выстроенная сеть. Машины ему наводили нужные люди — в их числе, к стыду нашего цеха, бывший оперативник с Петровки и его сын. Сведения о том, какая на той или иной машине стоит дополнительная защита, поставляли знакомые из центров, обслуживающих «мерседесы». Документы на угнанное мастерил брат того самого бывшего опера и ещё один при-

кормленный человек в погонах. Имелась пара проверенных перебивщиков. А с главным в любом деле — со сбытом — у Олега никогда не было заминок: выходы на заказчиков и покупателей всегда находились в достатке.

Как именно он вскрывал и заводил машины, я описывать не стану — не пособие для будущих угонщиков пишу, а историю человека. Скажу лишь, что метода у него была отработанная до автоматизма и почти не знавшая осечек, заточенная под «гелендвагены» двух-трёхлетнего возраста — их он и брал чаще всего. На всё про всё — от подхода к машине до момента, когда она трогалась с места, — у него уходили считаные минуты. Там, где другой возился бы полчаса, обливаясь потом, Олег управлялся спокойно и быстро, как хирург, сто раз делавший одну и ту же операцию. В этом и было его искусство: не в силе, не в нахрапе, а в холодном, выверенном расчёте, где каждое движение давно отрепетировано.

А посмотреть, как он работает, со стороны было почти красиво — так красива всякая работа, доведённая до совершенства, даже если это работа вора. В те минуты Олег словно выпадал из времени. Никакой суеты, никакого пота, никаких лишних движений. Подходя к машине, он на секунду замирал — будто здоровался с ней, будто слушал. Он и вправду слушал: у каждой марки, у каждого поколения свой голос, свой характер, свои привычки, и Олег знал их, как опытный врач знает, чем дышит больной. Он работал больше на слух и на ощупь, чем на глаз: пальцы у него были чуткие, как у

настройщика роялей, и сами, без него, находили то, что искали. Где другой ломился силой, Олег слушал — и металл отвечал ему едва заметным щелчком, вздохом, переменой в тоне. Лицо его при этом было спокойным и отрешённым, как у человека, поглощённого любимым делом. Он будто не угонял машину, а вёл с ней негромкий, понятный лишь двоим разговор — и она в конце концов уступала, как уступает женщина, которую долго и терпеливо уговаривали.

Этому нельзя научить за месяц и за год. За этим стояли три десятилетия — тысячи машин, тысячи ночей, сначала примитивные «жигули» с гнутой проволокой, потом всё сложнее, всё хитрее, по мере того как умнела и защита. Он рос вместе с ремеслом и обгонял его на полшага: едва появлялась новая хитрая система, Олег уже знал, чем она дышит и где у неё слабое место, — иногда раньше, чем те, кто её ставил. Он выписывал технические журналы, листал сервисные бюллетени, держал руку на пульсе автомобильной моды. У него было то, что отличает мастера от ремесленника: он понимал не только «что» и «как», но и «почему». И оттого почти не знал нерешаемых задач. Машин, которые он не смог бы взять, для него, по сути, не существовало. Были лишь те, на которые требовалось чуть больше времени, — а время он умел ждать как никто.

Осечки, конечно, случались. Однажды он долго пас один гелик, поймал наконец удобные время и место — и всё шло как по маслу, да только дверь, даже с уже испорченным зам-

ком, не поддавалась. Внутри стоял нештатный блокиратор, которого месяцем раньше, на техосмотре, ещё не было. Машину пришлось бросить. Олег не расстроился. Он давно усвоил: упустить добычу не страшно, страшно — попасться. Лучше уйти с пустыми руками, чем с браслетами на запястьях.

Угнав машину, он не любил, в отличие от многих, оставлять её «отстаиваться» во дворах. Он сразу гнал её в гараж — и не в простой, а в особый. Стены, пол, потолок и ворота там были обшиты фольгой — так магазинные воришки обкладывают изнутри сумки, чтобы не сработал датчик на выходе. В этом гараже глушились любые сигналы, и здесь Олег без спешки искал и обезвреживал спрятанные маячки — иные подают голос лишь раз в сутки, их так сразу и не возьмёшь. Эту охоту за «жучками» он любил почти так же, как сам угон: машина напоминала шкатулку с секретом, и надо было найти все её тайники, прежде чем считать дело сделанным. Хозяева побогаче порой прятали по три, по четыре маяка — один на виду, для отвода глаз, а остальные в таких местах, до каких додумается не всякий инженер. Олег додумывался. Он словно влезал в голову тому, кто прятал, и шёл по его мыслям, как по следу. Свежеугнанную машину, ещё без новых номеров и документов, на воровском языке зовут «сыром» — сырая, значит. Очистив «сыр», Олег перегонял его в другой гараж, чаще арендованный лишь на время, и туда уже приглашал перебивщика.

Перебивщика на блатном наречии называют и «гравёром». Ремесло это требует немалой выучки, и хороших мастеров на всю Москву наберётся по пальцам. Я потом видел инструмент одного такого, когда его наконец взяли: тяжёлый чемодан, где каждое гнездо под свою железку — наборы клейм с заводскими шрифтами разных марок и годов, оснастка, химия, увеличительные стёкла. Целая лаборатория. Дилетант с таким чемоданом не сделает ничего — только испортит металл; а мастер вернёт номеру вид, будто он так и вышел с конвейера, и не всякий эксперт потом докажет обратное. У Олега были именно мастера, не дилетанты. Документы доделывал ещё один специалист — и с новыми номерами, с новыми, почти безупречными бумагами вчерашний «сыр» превращался в обычную машину, которая могла спокойно ехать хоть на край света.

Всё было продумано до мелочей, всё работало как часы. Олег выстроил безотказный механизм — и сам стал его главной деталью, незаменимой и единственной. Он не догадывался, что у всякого, даже самого совершенного механизма есть слабое место. И что слабым местом в этой безупречной схеме был он сам — потому что искать будут именно его, одного, и однажды непременно найдут.

Глава 14. Связи и сообщники

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

лето 2016 года

А наутро после того, как мы нашли мотоцикл, Кузнецов вышел из квартиры, спустился в подвал, сел на свою «хонду» и уехал. Больше к дому на мотоцикле он не подъезжал ни разу. Позже я узнал, в чём дело: картинка с камер шла не только на мониторы охраны, но и на монитор у него в квартире. Видимо, он засёк наш визит в подвал и решил перестраховаться.

Или… Меня не отпускала одна мысль. Зимин как-то уж слишком оживился, услышав фамилию Кузнецова. Да и несколько месяцев назад, когда я вышел на гаишника, он узнал об этом первым. С уходом Кострова за штат коррупция в отделе, я был уверен, никуда не делась, и подозревал я едва ли не каждого. Теперь я жалел, что о моём расследовании знает Зимин. Надо было доложить о Кузнецове начальнику отдела с глазу на глаз — Жилину я почему-то верил.

Кое-что в Зимине и впрямь смущало: новенький «ниссан», дорогие золотые часы, последний айфон, недавно купленная квартира в центре. Хотя, по его же словам, родители держали в Тверской области большое фермерское хозяйство и людьми были далеко не бедными. Да и у меня самого ма-

шина стоила недёшево — и куплена была на честный заработок. Так что обвинять человека лишь за часы и телефон я не спешил. Подозревать — подозревал, но без доказательств держал при себе.

Так или иначе, домой Кузнецов теперь ходил пешком — и петлял, как заяц, явно опасаясь слежки. То уйдёт через чёрный ход, то через паркинг, менял одежду, менял даже походку, нырял в сквозные проходы магазинов. Со стороны — чистая мания преследования. Только мания эта была вполне оправданна: за ним и впрямь следили.

А я тем временем взялся за его прошлых сообщников. По оперативным данным, ещё в девяносто восьмом он проверялся на причастность к кражам машин вместе с двумя подельниками — Рябининым Андреем Александровичем и Язовым Виталием Викторовичем. Но к тому времени, как я начал разрабатывать Кузнецова, оба уже несколько лет сидели — за «лексус». Их, может, и не стали бы трогать, да угнали они машину у прокурора. В итоге получили по пять лет общего режима. Жадность, как Олег и предвидел когда-то, их и сгубила.

Потом я поднял в гаишной базе карточки машин жены и дочери. Сами автомобили были чисты, как слеза, но я заметил любопытную деталь: все их по доверенности ставил на учёт некто Семёнов Андрей Викторович. Стал смотреть, кто таков. Зашёл к земляку Косте, что работал в главном управлении кадров и имел доступ к базе и бывших, и действующих

сотрудников. Семёнов нашёлся сразу — и оказалось, что когда-то он служил в нашем же отделе. Я спросил о нём у одного из «стариков», что сидят на бумагах. Тот вспомнил мгновенно: «А, Семёнов. Был такой. Выгнали за косяки, в коррупции подозревали».

И ещё одна мелочь царапнула: «гелики» Кузнецов уводил по большей части из района, где жил Семёнов. Я поставил его телефон на прослушку. А вот маяк на его машину ставить не пришлось — мы попросту подключились к тому, который он сам же когда-то на неё и поставил: взломать логин с паролем труда не составило.

Тут надо кое-что пояснить. Действия, которые умещаются в два-три слова — «поставил на прослушку», «установил наружку», «закинул маяк», «взломал пароль», — на деле требуют уймы усилий, бумаг и времени. Всё это входит в оперативно-розыскную деятельность и строго регулируется федеральным законом. Чтобы прослушивать чей-то номер, нужны веские основания и, обязательно, разрешение суда — на конкретный номер, на конкретный срок. Шаг в сторону — и под судом окажешься уже ты сам. В кино опер делает что хочет; в жизни он прежде всего пишет бумаги и ходит к судье. И это, между прочим, правильно: закон одинаково защищает и честного гражданина, и того, кого мы разрабатываем, пока его вина не доказана.

Стали отслеживать машину Семёнова — и точно: не он сам, а его сын нарезал по району круги, бессмысленные на

первый взгляд. Я почти не сомневался, что парень высматривает для Кузнецова подходящие машины. Думаю, помогал Семёнов и с документами. После увольнения он перегонял машины из Финляндии, из Европы, «мерседесы» в том числе, — и вполне мог выправить бумаги, под которые потом перебивали VIN-номера, легализуя краденое. А родной брат Семёнова как работал, так и работает в Главном управлении — в ГУУРе, в угонном отделе, точно таком же, как наш. Вот это было хуже всего: свой человек в самом сердце той службы, что и должна ловить таких, как Кузнецов.

Отношения этой семейки с Олегом были до того тесные, что он, как я узнал позже, не раз давал братьям попользоваться своим «спринтером» — Андрей был заядлым дачником, а на микроавтобусе сподручно возить громоздкое. Да и сам Олег частенько оставался у них на даче. А даче той позавидовал бы и олигарх: в сосновом бору трёхэтажный особняк с изящной башенкой, панорамные окна, вид на речку. На зарплату опера такие башенки не строятся.

Слушая Семёнова, я понял, что он проходит военно-врачебную комиссию — точнее, не проходит, а покупает справку: звонил знакомой заведующей медцентром. И справка нужна была, чтобы вернуться на службу в полицию. В кадрах подтвердили: восстанавливается в Юго-Западный округ, в тыл, по хозяйственной части. Допустить этого было нельзя. Я доложил генералу, тот велел писать в управление собственной безопасности. Я написал обстоятельное письмо: Семё-

нов в своё время уволен в связи с коррупцией, ныне проходит по материалам такого-то дела как связь Кузнецова, который ворует дорогие машины, — прошу провести проверку, все материалы и записи готов предоставить, нужно лишь дать ход. И что же? Семёнов сначала восстановился в тыл, потом перешёл работать в угонный отдел Юго-Западного округа, а после и вовсе перевёлся в центральный аппарат ГУУР МВД России. Так бывает. Я давно перестал этому удивляться — но отвыкнуть злиться так и не смог.

Был у Кузнецовых и ещё один регулярный гость. Раз в неделю в квартиру заходила какая-то женщина — как я понял, прибиралась, — а подвозил её человек на небольшом «мерседесе» С-класса. Я на всякий случай решил с ним поработать. Пробил номера: Александр Лисин, школьный друг Олега, в конце восьмидесятых тоже привлекавшийся за угоны. А женщина, что убирала у Кузнецовых, — его жена, Клавдия. Я закинул маяк на машину Лисина и стал смотреть. Он часто виделся с Олегом, возил его по делам, и Олег иногда ночевал у них в загородном доме. Ещё одна очевидная связь — и, в отличие от Семёновых, связь не корыстная, а из тех немногих, что тянутся в человеке с самого детства.

А дело о попытке угона «мерседеса» в две тысячи четырнадцатом году требовало особого внимания.

Глава 15. Погоня

лето 2014 года

Новопеределкино тонуло в тумане. Свет фонарей наполнял воздух молочной взвесью, но до земли не доставал. «Фиат Добло» полицейского патруля лениво полз по Боровскому шоссе. В машине было тепло, рация молчала, и старшего сержанта Руслана Хузунгаева неудержимо клонило в сон.

— Заснул, что ли? — спросил сидевший за рулём напарник, Николай Колобродов.

— Имею право, — зевнул Руслан.

— Три ночи уже. Может, по шаурме?

Руслан кивнул. Вдоль дороги, на широком тротуаре, ровным рядом выстроились машины, а за ними угадывался во тьме лесной массив. И только в одном месте, метрах в двадцати от автобусной остановки, прямо под фонарём, во втором ряду, ломая эту ровную линию, торчал белый фургон — «Мерседес-Бенц Спринтер».

— Чего он во втором ряду встал? Места не нашёл? — пробормотал Колобродов.

— Ты о чём?

— Да о фургоне. Проехали уже.

Руслан обернулся.

— Слушай, у него дверь нараспашку. Разворачивайся-ка.

Между «спринтером» с распахнутой пассажирской две-

рью и стоявшим в первом ряду кроссовером — тоже «мерседесом» — приткнулся человек в тёмной одежде и кепке. Он возился у замка водительской двери кроссовера. Со стороны дороги его было не разглядеть: фургон закрывал собой весь обзор. Но с тротуара пространство между машинами просматривалось насквозь. Человек поймал краем глаза разворот патрульной машины — и всё понял. Без суеты, одним скользящим движением он нырнул в кабину «спринтера», перетёк на водительское сиденье и тронул фургон с места.

О шаурме пришлось забыть. Колобродов вдавил газ, Руслан врубил маячки и сирену — «фиат» рванул следом. Напрасно в громкоговоритель неслось «Водитель „мерседеса“, остановитесь!»: фургон проскочил перекрёсток на красный и только прибавил. Колобродов уже частил по рации, передавая в дежурную часть номера, поднимая другие наряды, группу немедленного реагирования, ДПС. Колесо погони закрутилось.

«Спринтер» летел в сторону Киевского шоссе. «Фиат» с его слабеньким моторчиком безнадёжно отставал.

— Ну где они?! — взвыл Руслан. — Уйдёт же!

И, словно в ответ, из посёлка наперерез вырулил полицейский «форд» — подключилась группа немедленного реагирования. «Фиат» окончательно остался позади, проиграв более резвой машине, но дело своё сделал: эстафету приняли.

В Апрелевке, отрываясь от «форда», фургон по встречно-

му съезду вылетел на Киевское шоссе, развернулся в сторону Москвы — и не вписался в поворот, встал. «Форд» затормозил рядом, один из полицейских выскочил с пистолетом и оказался прямо позади «мерседеса». Но тот вдруг резко сдал назад. Полицейскому пришлось не стрелять, а прыгать в сторону — тяжёлый кузов пролетел в сантиметре от него. Уже падая, тот выпалил в воздух. А фургон, чиркнув по левому боку «форда» и снеся ему зеркало, снова рванул по шоссе.

Полицейский, едва не угодивший под колёса, остался на дороге. Остальные на помятом «форде» продолжили гонку, и скоро к ним пристроилась ещё одна машина. «Форд» не отпускал и в какой-то момент поравнялся с фургоном. Тогда «спринтер» начал валиться вбок, тесня преследователя, норовя спихнуть его с дороги. Столкнуть не столкнул, но помял так, что «форд» сбросил ход и сполз на обочину.

На пустынном участке из второй машины открыли огонь по колёсам фургона — сперва из пистолета, потом из автомата. «Мерседес», виляя кормой, всё равно упрямо шёл вперёд, будто заговорённый. И лишь у кольца, где дорогу намертво перегородили машины ДПС, он наконец встал.

Человека вытащили из кабины. Это был крепкий мужчина средних лет — широкое лицо, тёмные глаза, волевой подбородок. Его с равным успехом можно было принять и за инженера, и за толкового рабочего, и за хозяина небольшого дела. Тёмные брюки, немаркая куртка, чёрная кепка с серебристой звездой «Мерседеса». Он был трезв и совершенно

спокоен — до того спокоен, что не верилось: неужели этот человек только что целый час уходил от погони, под выстрелами, сшибая зеркала и тесня машины с шоссе? Будто и не он сидел за рулём, а кто-то другой, а он лишь вышел подышать. По документам его звали Олег Кузнецов.

— Почему же вы не останавливались? — спросили его.

— Испугался насилия со стороны полиции, — ответил он. И улыбнулся.

По этой улыбке было видно: он вряд ли вообще способен чего-нибудь бояться. И ещё было в ней что-то, отчего стало не по себе даже видавшим виды постовым, — спокойное, почти снисходительное превосходство человека, который и сейчас, в наручниках, у заблокированного кольца, твёрдо знает, что выйдет сухим из воды. Знает — и оказывается прав.

Глава 16. Возвращаясь в 2014 год

(из воспоминаний старшего оперуполномоченного по особо важным делам Виталия Глебова)

осень 2016 года

Теперь я наконец знал, с кем имею дело. Но материалов по последнему задержанию Кузнецова мне отчаянно не хватало. Одно дело — догадки, оперативные сводки да заклеенные камеры, и совсем другое — официальное уголовное дело, где всё подшито, пронумеровано и закреплено процессуально. Мне нужно было понять две вещи: как именно его взяли в четырнадцатом и как именно он сумел из этого выскользнуть. Второе занимало меня даже больше первого. Человека, однажды пойманного с поличным после часовой погони под выстрелами, по всем законам должны были судить и посадить. А он гулял на свободе и преспокойно воровал дальше. Значит, где-то в этом деле была дыра, и мне надо было увидеть её своими глазами. И я отправился в отдел полиции, где в две тысячи четырнадцатом мой клиент проходил по угону «Мерседеса ML 63 AMG». Пошёл прямо к начальнику следственного отдела.

Тот сидел в просторном кабинете — тучный мужчина лет сорока, с двойным подбородком и усталыми глазами. На столе дымилась чашка чая.

— Старший оперуполномоченный МУРа Виталий Гле-

бов, — представился я.

— И что же вас к нам привело? — спросил он, пожимая мне руку.

— Хотел бы поднять одно дело, четырнадцатого года. — Я назвал номер.

— Больше двух лет прошло, я тогда здесь ещё не работал, — следователь бросил тоскливый взгляд на чашку. — Ну что ж, пойдёмте поищем.

Мы спустились в архив и вдвоём принялись копаться в коробках и на полках. Бесконечные старые дела и не меньшее количество пыли. Полковник чихнул.

— Тут пыли больше, чем бумаг. Некому за архивом следить.

В этом полутёмном, пропахшем мышами и старой бумагой подвале лежали тысячи человеческих историй — чьи-то беды, чьи-то преступления, чьи-то сломанные судьбы, спрессованные в картонные коробки и забытые навсегда. Я всегда испытывал в архивах странное чувство. Каждое такое дело — это чья-то жизнь, доведённая до точки и подшитая под номер. А сколько их тут так и лежит без всякой точки, недорасследованных, тихо умерших от усталости и равнодушия. Дело Кузнецова, я уже догадывался, было из таких.

Зазвонил телефон. Поговорив, начальник кивнул на дальний ряд коробок:

— Слушайте, мне некогда. Ищите вот в этих, точно где-то здесь.

Перерыв ещё несколько коробок и перепачкавшись пылью по локоть, на дне одной я и нашёл нужное дело — тонкую, неожиданно тощую для такой истории папку. Вернулся к полковнику — чашка на его столе уже опустела. Он отвёл меня в кабинет, где за столом напротив работал немолодой следователь.

— Лёня, вот гость из МУРа, одним делом интересуется. Пусть тут поработает.

Я листал страницы. В три часа ночи на Боровском шоссе в Новопеределкине патруль заметил, как человек — а им оказался Олег Кузнецов — вскрывает дверь кроссовера «Мерседес-Бенц». Когда патрульная машина развернулась к нему, он заскочил в стоявший рядом микроавтобус и рванул к Киевскому шоссе. Дальше — погоня, два подключившихся экипажа, красный свет, чуть не сбитый при развороте полицейский, попытка столкнуть машину с дороги, стрельба по колёсам и задержание у самой кольцевой. Почти час уходил. И меня ничуть не удивило, что в «спринтере» нашли рацию, настроенную на милицейскую волну: оттого он и был всё время на шаг впереди. Как, увы, и сейчас.

Я читал — и чувствовал странную смесь досады и невольного восхищения. Было видно, как умело Кузнецов с адвокатом разбирают дело по косточкам. Жаль было полицейских, тех, что засекли его на месте, но неточно записали показания. А Кузнецов, сидя под домашним арестом, прорабатывал каждую мелочь следственных экспериментов: они с ад-

вокатом нанимали съёмочную группу, фиксировали каждое действие на камеру — и любая незначительная неточность в словах постовых превращала их показания в недостоверные.

Но было в этой папке и кое-что, чего адвокатской ловкостью не объяснишь. Дело для такой громкой ночи выглядело странно тощим. Листы были пронумерованы, а нумерация местами скакала — то перепрыгивала, то шла с подчистками. Где-то в описи значился рапорт, а самого рапорта в деле не было. Где-то ссылались на приобщённую видеозапись, которой я так и не нашёл. Я не первый год держал в руках уголовные дела и сразу узнавал этот почерк: дело не разваливалось само — его аккуратно, лист за листом, разбирали чужие руки. Кто-то методично вынимал из него всё, что мешало нужному исходу. И делал это не дилетант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.